

The background of the poster is a composite image. It features a man and a woman with large, feathered wings. The woman is in the foreground, wearing a long white dress, looking down. The man stands behind her, wearing a dark coat, holding a sword that glows with fire. They are positioned in front of a cityscape that includes modern skyscrapers and older, ornate buildings. A small airplane is visible in the sky. The overall color palette is warm, with oranges, yellows, and browns.

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

Михаил, Меч Господа

Гай Орловский

Подземный город Содома

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Подземный город Содома / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Михаил, Меч Господа)

ISBN 978-5-04-004266-1

Настоящая победа, когда противник признает себя побежденным. Но этот не признал, а победитель успокоился слишком рано, забывая, что оставшаяся от пожара искра может вызвать новый пожар. И вот Ад, собравшись с силами, ударил снова! Изнемогающий Азазель, властелин Черного Меча, неожиданно привлек в союзники властелина Огненного Меча, хотя до этого с ним враждовал.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004266-1

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гай Юлий Орловский

Подземный город Содома

Часть первая

Глава 1

Михаил убрал пылающий меч, медленно оглянулся, но за спиной никого. Азазель умело сыграл на том, что два дня тому назад тот в самом деле попался, когда на затылке ощутил холодное прикосновение ствола пистолета.

Злой, что так обманулся, Михаил быстро повернулся к Азазелю, но теперь у демона пистолет в руке, ствол черным зрачком мрачно смотрит Михаилу в лицо.

– Переиграл, – признался Михаил. – Что ж, стреляй.

– Может, – сказал Азазель быстрым голосом, – сперва выслушаешь?

– Под дулом пистолета?

– Уберу, – пообещал Азазель, – когда увижу, что в самом деле слушаешь, а не выбираешь момент для удара. Знание – сила, как не говорят в народе. А зря.

Михаил по его повелительному взмаху осторожно отступил к дивану, стараясь не делать резких движений, сел, не сводя пристального взгляда с Азазеля:

– Говори.

Азазель взглянул на часы:

– Синильде минут десять?

– Двадцать.

– Хорошо, – сказал Азазель. – Сири, готовь на троих. Михаил, ты прав, операция по заманиванию тебя имела место, сознаюсь. Однако в остальном ты был свободен и действовал, как велела тебе твоя прямая натура. Кстати, хорошо действовал.

Михаил спросил резко:

– Зачем понадобился именно я?

Азазель на миг задержался с ответом, лицо помрачнело, а ответил таким тяжелым голосом, какого Михаил никогда не слышал от него раньше:

– Посмотри на небо. Замечаешь, закаты все кровавее?.. Ад поднимется, Михаил!.. Хуже того, рассветы тоже в крови. Люди этого не видят, у них мирские дела, но ты же смотришь ширше? Во всяком случае, должен.

Михаил нахмурился:

– Это все грехи людские. Всевышний недоволен.

– Грядет ужасное, – повторил Азазель. – Если это Сатан, то настанет его царствие, и никто не сможет остановить или опрокинуть.

Михаил спросил хмуро:

– Кроме меня?

– А ты сам кого-то сможешь назвать?

Михаил пробормотал:

– Нас четверо Столпов и Хранителей Неба. Мы, в принципе, равны по мощи.

Азазель покачал головой:

– Уриил был поставлен у врат рая с огненным мечом в руке, чтобы воспрепятствовать возвращению туда Адама и Евы. Но они даже не пытались, так что простоял там до самой их смерти, а это почти тысяча лет, совершенно зря. Уриил и Гавриил были Хранителями...

Кстати, многие уверены, что с огненным мечом там как дурак у ворот проторчал все тысячу лет именно ты...

Михаил сказал оскорбленно:

– Почему как дурак?.. Нужно было воспрепятствовать их возвращению, потому там и была выставлена стража. Как я понимаю теперь, стража почетная, люди были настолько слабы, что охрану могли бы поручить самому мелкому из ангелов. Хотя, конечно, я там не показывался. А стоял с мечом у входа не то Уриил, не то Иофиил, не интересовался. Кстати, Уриил, Рафаил и Гавриил и сейчас Хранители!

– Да-да, – согласился Азазель, – а что за это время совершили? Вот-вот, ничего. А ты показал себя тогда в схватке с Сатаном, а теперь вот и сейчас хоть и по мелочи, но все характеризует тебя достаточно объемно.

Михаил взглянул остро:

– Характеризует... Значит, вся эта беготня за демонами для каких-то проверок?

– Прости, Михаил, – сказал Азазель, но виноватости в его голосе не ощутилось, – ты был прав, беготня получилась какая-то хаотичная и без всякой логики. Логика вообще-то была, она во всем есть, но мы признаем только ту, которую хотим видеть... Однако время работает против нас, мы были просто вынуждены.

– Мы? – переспросил Михаил остро.

– Прости, – повторил Азазель, – оговорился. Я, конечно. Один, как всегда. «Живу без ласки, грусть затая, всегда быть в маске судьба моя...»

Михаил поморщился, спросил глухо:

– И ты все время со мной хитрил?.. Подставлял дураков, а потом сердился и спрашивал, зачем я всех убил, дескать, нужно было кого-то оставить для допроса, нельзя так прямолинейно, это же обрубил все нити, что вели к организаторам... и так далее, так далее.

– Прости, – снова сказал Азазель. Он опустил пистолет. – Этот мир в опасности. Я вдруг понял, что в одиночку уже не справиться. Потому и...

Михаил спросил в упор:

– А ты в самом деле одиночка?

Азазель ответил, не моргнув глазом:

– Да, конечно. Орлы не бараны, в стада не сбиваются!.. Но, видишь ли, стая ворон бьет и орлов. И вообще орел везде не поспеет. А вот ты при всей солдатской туповатости и общей ригидности... нет-нет, это не ругательство, при всех своих неоспоримых достоинствах, глупых и ненужных здесь, умеешь видеть дальнюю цель. Потому ты не стал увязать в мелочах типа: встретил демона – убей.

Михаил буркнул:

– Я не отказываюсь от этого правила. Но пока есть ангелы, позорящие свое имя, и пока есть демоны, помогающие отыскать их здесь...

– Вот-вот, – перебил Азазель, – даже без подсказок ты уловил разницу между ангелами, что по разрешению Всевышнего облеклись плотью и спустились на землю помогать людям, и теми, кто сейчас спускается тайком, чтобы жить в разврате и роскоши. Ты это даже не облек в слова, но ты действуешь, принимая эти правила!

Михаил насупился, взглянул исподлобья:

– Разве? Не играй словами, ты все равно преступник.

– Говори-говори, – ответил Азазель мирно. – Это то, к чему ты привык, но уже чувствуешь, что это не так. И я за сохранность этого мира дерусь все шесть тысяч лет, а вы там хвалу Господу поете в райских куцах!

Михаил поинтересовался, не сводя с него пристального взгляда:

– Те демоны, которых мы находили, тебе на один зуб! В чем дело?

Азазель вздохнул, развел руками:

– То была, как я уже сказал, простая проверка твоих реакций. Твоего отношения. Конечно, таких могу одним щелчком... На самом деле бороться придется не с ними.

Он говорил серьезно, а в его черных глазах Михаил увидел нечто такое, из-за чего от макушки до пят обдало холодом, а внутри словно образовалась гигантская льдина.

В прихожей раздался звонок, на экране домофона возникла веселая мордочка Синильды, она спросила обиженным голосом:

– Вы чего не открываете?

– Прости, – сказал Азазель, спохватившись. – Сири, быстро!.. И лифт подать вовремя!.. И ее любимые пирожные!.. И ванну в коридор, чтоб нам было все видно!

Синильда вбежала быстрая и веселая, как коза, обняла Азазеля, жарко поцеловала в щеку Михаила и, отстранившись, сказала быстро:

– Я на минутку в душ, хорошо?..

– Давай, – ответил Азазель, – а мы тут пока все поедим. Это называется отдельным питанием.

– Я вам поем, – пригрозила она. – Нельзя бедную девушку морить голодом! Где ваш гуманизм?

И унеслась в ванную комнату. Азазель прислушался, по ту сторону двери зашумела бьющая тугой струей вода.

– Да и с этими всплесками, – сказал он приглушенным голосом. – То ты уже знаешь, что демоны не выдают себя ими, то уверен, что я именно так себя и выдал!.. И сразу примчался, даже не задумываясь, как это вдруг я вот потерял осторожность, а ты такой бдительный сразу заметил!

Михаил ощутил, что съезживается от стыда и понимания, как просто им манипулировали.

– Намекаешь, – проговорил он с трудом, – что в Брие... помогли такое заметить?

– Намекать не стану, – ответил Азазель. – Сам догадаешься. Ты все эти тысячи лет, можно сказать, спал, но теперь, надеюсь, твой мозг готов как впитывать новую информацию, так и соображать. Очень надеюсь.

– Скотина, козел хермонский...

– Выбрали именно тебя, Михаил, – сказал Азазель, – потому что ты прям и честен. Многие были недовольны, что Господь отдал созданный им мир человеку, которого сотворил вместе с животными и с которыми тот тупо совокуплялся со всеми до тех пор, пока не сообразил, что ему больше подошел бы его вид.

– Повторяешься!

– Только Сатан выразил недовольство, – продолжил Азазель невозмутимо, – и только ты ринулся подавлять бунт. Остальные молчали и сопели в тряпочку. Многие даже не понимали, что происходит и о чем речь. Только вы двое выразили свое мнение и, более того, оказались способными его защищать! Остальные... остальные простые бараны. Идеальные исполнители. А то и вовсе... статисты. Декорация. Красиво и величественно светящиеся доски забора.

– Дальше, – потребовал Михаил.

Азазель сказал невесело:

– Сатан, как ты знаешь, на той стороне. На стороне условного противника. Мы не знаем, чего ждать от него, но все чувствуют приближение чего-то ужасающе грозного. А на стороне тех, кто хочет сохранить этот мир, никого...

Михаил покачал головой:

– Ошибаешься. Четверо высших архангелов, я в том числе, и великое множество ангелов!

– Прости, – прервал Азазель, – они там. И вряд ли их заставишь сюда спуститься. Им потребуются указания самого Всевышнего, но его, как догадываешься, не будет. Но центр мира уже здесь, у людей. И великие битвы прогремят здесь! И если тебе придется драться с Сатаном

снова, то это случится тоже здесь. Небеса ему больше не интересны. И Сатан, говорю тебе серьезно, все эти годы усиливался и развивался. История учит, но никак не вдолбит в головы, что усиленно развиваются именно побежденные! А победители празднуют. Праздник от слова «праздность», не знал?

Михаил ощутил, как его всего осыпало морозом.

– Как ты легко сказал «все эти годы»... А это больше шести тысяч лет!

– Вот-вот, – согласился Азазель угрюмо. – А здесь ни люди, ни демоны времени не теряют. Если говорить совсем уж честно, на той стороне сейчас вообще неизмеримые силы...

Он дернулся, быстро развернулся в сторону экрана телевизора. Михаил моментально насторожился, там показывают картинку неких разрушений, но совершенно незначительных по сравнению с теми, что шли только что с места боев в Йемене. А на картинке сейчас люди ходят совершенно спокойно, никакой стрельбы, танков, взрыва бомб...

– Это мне как-то не нравится, – пробормотал Азазель, Михаил уловил тревогу в голосе демона. – Очень даже...

Михаил любопытствовал:

– Там твои фермы по выращиванию цыплят?

– Почти угадал, – ответил Азазель безучастно. – Я в тех местах провел... немало времени.

– Везде что-то случается, – напомнил Михаил. – Ты что, от людей ждешь порядка? Раньше были простыми дикарями, теперь стали сумасшедшими дикарями. Даже я это понял.

Глава 2

Азазель покачал головой, взгляд его не отрывался от экрана, а там камера оператора показывает то один участок, то другой – с перевернутой строительной техникой, диктор профессионально взволнованно, как при репортажах с победного парада, рассказывает, что вот тут погиб один работник, здесь другой, а тело третьего так и не нашли.

– Михаил, – сказал Азазель, – побудь сегодня один. Сейчас Синильда выйдет, хотя ты и сам можешь к ней... Там шикарная ванна, но еще не догадываешься, зачем она, верно? Все верно, мыться как-то вообще не по-мужски. А мне нужно отлучиться.

Михаил нахмурился:

– Какая-то хитрость?

– Никакой, – заверил Азазель. – Слетаю на то место... Понимаешь, там остались друзья. Вдруг кого задело взрывом, нужна помощь... донорство или пересадка печени с костным мозгом... Да что тебе подробности, я туда и обратно.

Михаил проговорил с подозрением в голосе:

– Не хитри. Ты уже трижды отлучался, ничего не рассказывая. А сейчас хоть и говоришь, но привычно врешь!.. Что там?

Азазель сказал с досадой:

– Я же сказал, там у меня остались друзья. Вдруг кому пальчик прищемило так, что кишки вылезли?

– Когда там был в последний раз? – спросил Михаил быстро.

– Да лет сто двадцать, – ответил Азазель автоматически и тут же запнулся, посмотрел на Михаила с укором. – Что ты меня ловишь? Там внуки и правнуки моих друзей!.. Я почти обязан позаботиться!.. У меня человеческие ценности, я почти гуманист в самом широком смысле. Очень широком, даже границ не видно.

Михаил покачал головой:

– Не хочешь говорить, не говори. Но я поеду с тобой. И потому, что не доверяю тебе, вдруг сбежишь, и потому... что да, не доверяю. Ни в чем. Ты же не просто демон...

– А кто?

– Самый древний из демонов, – сказал Михаил и сам ощутил, что произнес это с чем-то вроде уважения, за что на себя тут же озлился. – И хитрый.

Азазель вздохнул, развел руками:

– Ладно, с тобой спорить трудно, вижу. Ты же этот... не к ночи будь сказано. Сейчас закажу билеты на ближайший рейс.

Он вытащил из кармана смартфон и начал быстро тыкать пальцем в цветные картинки. Михаилу почудилось, что сдался Азазель чересчур быстро, хотя это может быть и не ловушка, а просто чрезмерная забота о каких-то потомках. Или не потомках.

– Давай, – сказал Азазель, не отрывая взгляда от экрана смартфона, – я не буду объяснять тебе, почему самолет летит, не размахивая крыльями?..

Михаил буркнул:

– А ты сам хоть знаешь?

– Мне без надобности, – ответил Азазель с достоинством, – а извозчики на что?.. Но вообще-то знаю.

– А мне зачем? – спросил Михаил. – Я знаю более важное. И чувю, что хитришь.

Азазель взглянул на часы, повернулся к стене, там моментально на огромном экране появилось красочное расписание авиарейсов с мигающими силуэтами самолетов, больших, средних и малых.

Михаил понял все-таки не сразу, что все, там изображенное, относится к воздушным перевозкам, условные изображения самолетов разбросаны в разных концах огромной таблицы.

Азазель долго всматривался, наконец сказал с досадой:

– Хрень какая-то... Еще пару лет тому назад самолеты туда ходили чаще. А сейчас не раньше завтрашнего дня!

Михаил сказал с равнодушным интересом:

– Разве это долго для твоей совсем не короткой жизни?

– Там могут быть еще жертвы, – огрызнулся Азазель.

– Стало жалко людей?

– Не очень, – огрызнулся Азазель, – но если там бушует демон, на что указывают некоторые моментики, это опасно засветкой... Хотя, гм, я же самец в полной силе...

Михаил насторожился, когда Азазель начал рассматривать его весьма придирчиво.

– И что?

– Сам ты передвигаться, – сказал Азазель с расстановкой, – не можешь... ну, как следует. Но тебя, как мешок с отрубями, это такой корм для крупного и мелкого рогатого, а также для кур и курей, могу отнести я, хотя и упарюсь.

Михаил дернулся, отшатнулся, сам ощутил какими дикими глазами посмотрел на Азазеля.

– Ты?... Меня?

– Ну да, – пояснил Азазель. – Видел, как оса несет по воздуху толстую жирную гусеницу к своему гнезду?... Хотя да, где тебе такое увидеть... В общем, я могу изволить поизвозничать.

Михаил сказал с отвращением:

– Это гадко! К тому же всплеск...

Азазель посмотрел с иронией:

– Я же тебе объяснил... У демонов второго и дальше поколений никаких всплесков. Да и не могут они так передвигаться. Нет той частицы Брия, что вызвала бы отклик в тонкой ткани нашего мира.

– Но ты же ангел!

– А-а-а, – сказал Азазель со злым удовлетворением, – наконец признал меня ангелом? Ну-ну... я же сказал, с ангелами сложнее... У тех, кто откололся от официальной линии партии и не посещает Брий, способность вызывать всплеск постепенно затухает. Но полностью угасла только у меня и тех двухсот, что вместе со мной сошли на гору Хермон... Потому что мы были и остаемся первыми!

– А у Сатана?

Азазель фыркнул:

– У него с чего бы?... Ты его низверг, но закрыть доступ к Брию и даже Йециру нет власти ни у тебя, ни даже у Метатрона, что нагло говорит от имени Господа. Давай не забывать, Сатан низвергнут тобой, но не Всевышним!

Михаил поморщился:

– Я действовал по воле Всевышнего.

– Он тебе сам велел? Или ты так понял?

– А разве его воля не очевидна?

Азазель сказал с отвращением:

– Тоже мне толкователь!.. Но люди умнее, военным власти не дают. Я же говорю, люди учатся быстро. Так как насчет? Заодно увидишь некоторые преимущества переселения в тело демона.

– Даже не начинай, – предупредил Михаил.

– Как скажешь, – согласился Азазель. – Но я вылетаю немедленно. Ждать завтрашнего дня рискованно. Мало ли чего там еще случится! Случится – это не от слова «случка», как ты подумал, а как бы в другом смысле...

– Когда вернешься? – спросил Михаил.

Азазель развел руками:

– Как разберусь. Это зависит от степени вовлечения моей мудрости и всяких мешающих обстоятельств.

– А сколько у тебя займет перелет?

– Мгновение, – ответил Азазель гордо. – Я же не оса!

Михаил спросил через силу:

– А если со мной?

– Два мгновения, – ответил Азазель, – что вообще-то одно, если смотреть сбоку и не слишком придирааться, как ты любишь по своей занудности.

– Посмотрим вместе, – проговорил Михаил с сомнением, – если только...

– Это же прекрасно! – перебил Азазель. – Сири, приготовь шикарнейший обед. Когда выйдет Синильда, сообщи ей, что крайне срочное дело вырвало нас прямо из-за стола спасать мир, а вернемся, надеюсь, завтра. Передай наши нижайшие и самые искренние извинения, поняла? Мы очень-очень сожалеем. Дико сожалеем. Она может остаться, у меня все равно все закрыто, ничего не сопрет, но если уйдет, тоже не станем ее убивать и мучить. Пусть только серебряные ложки не ворует.

Он ухватил Михаила и сдвинул крепко, тот охнул и сильным рывком вырвался, но разом со всех сторон обрушилась тьма, он споткнулся и упал на рыхлую землю.

Звезды холодно и отстраненно блещут над головой, ноздри жадно ухватили ароматы чистого и насыщенного знакомыми запахами соснового леса.

Сонно вскрикнула совсем рядом разбуженная птица. Михаил поднялся на ноги, осматриваясь все еще ошалело.

– Скотина, – сказал он с отвращением. – Содомит чертов...

Азазель тоже на ногах, он и не падал, всматривается в далекое зарево по ту сторону редкого леса.

– Да, – ответил он рассеянно, – содомиты хотя бы термин после себя оставили, а что жители Гоморры?.. Гайморит или гемморой?.. Не знаешь?.. Почему не знаешь? Ты должен такое знать!.. Помню детский такой журнал «Хочу все знать»... Потому дети все знают, только помалкивают. Ладно, вон там дорога, пойдем, вдруг попутку поймает.

Не оглядываясь, он побежал с пригорка, лес достаточно редкий, как и любой сосновый, где все стволы прямые, как солдаты на параде, ветви только на макушках, земля усыпана ровным слоем прошлогодних иголок, мягко пружинит под подошвами башмаков, лунный свет льется с неба мягкий, таинственно призрачный.

Минут через десять вышли к дороге, мимо как раз проскочили три большегрузных автомобиля, еще минут пять прошли по обочине, наконец сзади блеснул свет фар.

Азазель повернулся и помахал обеими руками. К их удивлению, за рулем оказалась женщина, немолодая, но еще миловидная и в хорошем теле, типичная украинка с полной пазухой щастя.

– Садитесь, – пригласила она, сразу распахнув дверцу. – Тут уже недалеко, но все равно быстрее на машине.

Азазель кивнул Михаилу, чтобы сел сзади, а сам устроился на переднем сиденье.

– Отважная вы женщина, – заметил он, – молодая и красивая, а рискуете останавливать машину ради двух мужчин... Другие бы на нашем месте разве бы стерпели такой соблазн? Вон мой друг сзади уже чего только с вами не делает в мечтах и этом, как его, художественном воображении!

Она весело рассмеялась, зубы блеснули ровные, Михаил в самом деле засмотрелся в зеркало на ее полные красные губы.

– Ой, да неужто изнасилуете?.. Такое щасте, и без греха!

Азазель тоже захохотал и дальше тараторил, как черт по коробке. Женщина отвечала веселым говорком, певучим и быстрым одновременно, перемешивая русские и украинские слова.

Впереди на фоне светлеющей полосы неба показалось хорошо освещенное прожекторами пространство со строительной техникой. Но даже Михаил уловил некоторый непорядок: несколько механизмов, выкрашенные в ядовито-желтый цвет, лежат кто на боку, кто вовсе кверху колесами, у двух сильно помяты кабины, на земле мелкие осколки стекол, на некоторых пятна крови, как и на стенках кабин.

Женщина сказала посуровевшим голосом:

– Какой-то выброс, но вроде бы газа не чувствуется... Сегодня придут из города специалисты, будут разбираться. Они не спешат, не то что у вас в полиции!

– Да, – ответил Азазель, – мы шустрые! Особенно мой друг, что уже измозолил взглядами вам спину и то место, где спина называется как-то иначе... Забыл, представляете?

Она улыбнулась, остановила автомобиль возле ближайшего вагончика для строителей.

– Я всю дорогу чувствовала его ладони на моей заднице и даже за пазухой!

Азазель со вздохом открыл дверку машины, вышел и, держась за ручку, горестно вздохнул:

– Да, в такой богатой пазухе я сам мечтаю погреть руки... Увы, служба поблажек не знает. Михаил? Не спи, уже утро.

– Я уже час здесь стою, – напомнил Михаил раздраженно.

Женщина хохотнула, Азазель захлопнул дверцу, и автомобиль с некоторой осторожностью двинулся дальше между поставленными тесно вагончиками, а остановился на другом конце площадки.

Из дощатой бытовки вышли трое мужчин, открыли багажник и начали вытаскивать крупные пакеты и мешки.

Азазель сказал тихо:

– Я не дожидался утра, чтобы никто не засек нашего внезапного появления. Так удобнее, пусть спят. А мы пойдем осмотримся.

Михаил ответил еще тише:

– А что здесь за работы?

Азазель сказал брезгливым тоном:

– Сланцевую нефть ищут! Сейчас ее все ищут... Якобы обеспечит и богатством, и независимостью, и здоровьем, и вообще непонятно чем. Наверное, властью над галактикой.

Михаил осматривался, стараясь обнаружить хоть что-то, из-за чего Азазель бросил все и примчался сюда, но не находил.

Глава 3

Небо на востоке все светлеет, на грани с темной землей появилась алая полоска, но Михаил больше поглядывал на тех троих, что разгрузили багажник разговорчивой украинки, переговорили, один направился к ним.

– Чем могу? – спросил он издали с настороженностью в голосе.

Азазель сказал значительным голосом:

– Мы из Центра. Нам сообщили, что здесь неладное, а любая остановка работ приносит убытки.

Мужчина перевел дыхание, явно ожидал кого-то похуже, ответил с жаром:

– Еще какие!.. Я – Остап Вишня, управляющий буровыми работами, мы и так выбились из графика из-за этих чертовых митингующих... Утром снова явятся, теперь обещали пригнать целый автобус с такими же сумасшедшими!..

Азазель скривился, будто ударил молотком по пальцу:

– Как же это... неприятно... Если работников сменит механизация и всякие роботы, вся страна превратится в таких вот митингующих?.. А чего они требуют?

Управляющий в сильнейшем раздражении пожал плечами:

– Люди всегда чего-то требуют. Особенно когда работать не хотят, а зарплату требуют повыше. А у нас тут собрались вообще рухнувшие! Им надо, чтобы вообще прекратили все работы, а то, видите ли, вред окружающей природе! Работы и так сейчас остановлены, а это убытки!.. Каждый день простоя обходится в потерю четверти миллиона долларов, представляете? А нас хотят остановить на неделю!.. Вы знаете, сколько стоит аренда этих машин?.. А зарплату рабочим нужно всем выдать вовремя!.. К тому же, если не уложимся в заявленные нами же сроки, с нас сдерут еще и штрафные санкции!

– А что, – буркнул Михаил. – Господь создал прекрасный мир, незачем портить, пачкать и разрушать.

Управляющий сказал печально:

– Вам все шутки, а вот нам...

– Природа не храм, – поддержал его Азазель, – как сказал великий Базаров, а мастерская. И человек в ней работник, а не митингуист!.. Потому и должен работать, работать и работать, чтоб упрели даже те, кто на него смотрит. Это тоже, кстати, велел Творец. Спасибо за информацию, товарищ Вишня. Вы не родственник?..

Управляющий скромно улыбнулся, но в голосе прозвучала такая гордость, словно это он спорил с Богом о выборе политического курса для нового человека:

– Меня называли Остапом в честь прадеда.

– Великий был человек, – сказал Азазель с чувством и, ухватив Михаила за локоть, потащил в сторону дальних буровых установок.

Михаил дал увести себя подальше, там уперся в землю, как знаменитый скаковой конь мудреца Валаама.

– Постой, – потребовал он, – ты мне голову не морочь. Тебя призвала сюда забота о старых друзьях? Или их внуках?

Азазель приложил ко лбу козырьком ладонь, от яркого южного солнца прикрываться еще рано, но любой в такой позе смотрится значительно и мудрее.

– Ну да, я же говорил... а как же иначе...

– Тогда почему, – спросил Михаил отдельно, – ты примчался на место катастрофы, а не ринулся узнавать, кто из твоих старых друзей лежит с перебитыми ногами или вообще в морге?

Азазель вздрогнул, посмотрел на него несколько странно, во взгляде павшего Михаилу почудилось что-то вроде намека на уважение.

– Ух ты, какой ты... сообразительный.

– Так почему? – потребовал Михаил.

Азазель вздохнул:

– Хотя бы потому, что меня заботит, как бы эта катастрофа не повторилась. Здесь земля такая... Понимаешь, мин многовато, а карты минных полей утеряны. Много неразорвавшихся снарядов, схроны со взрывчаткой... Здешние земли захватывали то одни боевики, то другие, все отряды как-то назывались, но для меня они все на одно лицо.

– Не крути, – посоветовал Михаил. – Не убедительно.

Азазель отмахнулся:

– Пойдем посмотрим ближе.

– Разве не посмотрели? – уточнил Михаил.

– Шире посмотрим, – пояснил Азазель. – Мы же не куры, что смотрят только под ноги?

За пределами этого... места поглядим и посмотрим.

Край земли на востоке заискрился, словно раскаляемый слиток металла на багровых углях. Первые лучи восходящего солнца достигли площадки.

Прожектора тут же погасли, а от громадных механизмов пролегли длинные призрачно-светлые тени.

Азазель пошел от площадки все расширяющимися кругами. Михаил двинулся сзади, стараясь понять, что же тот надеется увидеть, вряд ли тут мины, все истоптано, давно бы рвануло под ногами рабочих.

Он пошел за ним, тоже поглядывая как вниз, так и по сторонам. Азазель продолжал пристально рассматривать землю с истоптанными чахлыми стебельками травы.

– Пусто здесь как, – сообщил Михаил. – А где люди?

– Отпустили по домам, – ответил Азазель. – Вынужденный выходной, но без сохранения.

До выяснения.

– А где те, которые выясняют?

– Все сфотографировали, – объяснил Азазель, – пробы взяли, народ опросили, а теперь уехали в свою контору гонять чай, играть в покер и между этими важными делами пытаться решить данную задачу...

– Именно в такой очередности?

– Или сделать вид, – уточнил Азазель, – что решали, но оно противилось и не решилось.

А ты недоволен, что нам никто не мешает?

– Да нет, – ответил Михаил, – просто удивился, никто ничего не делает.

– На продолжение работ, – напомнил Азазель, – наложен временный запрет. Так что нам лучше бы успеть, пока вся орущая орава не налетела... Хорошо, хоть демонстрантов останавливают еще на въезде.

Михаил остановился, Азазель ушел далеко вперед, там гигантские установки в таких положениях, словно некая исполинская сила их не просто опрокинула, а порасшвыривала.

В земле издали заметили небольшую ямку, Азазель остановился именно там, очень заинтересованный, даже встревоженный, бодро помахал рукой:

– А вот здесь странности!

Михаил подошел ближе, Азазель указал на узкую дыру с рваными краями. Диаметр такой, что и ведро вряд ли пролезет, но отверстие уходит и уходит в глубину, далеко-далеко внизу сплошная чернота, Михаилу почудилось, что эта тьма по-настоящему вековая, и солнце заглядывает туда впервые...

Азазель перехватил его внимательный взгляд, сказал поощряюще:

– Сколько там? Метров десять до дна?

– Если не пятнадцать, – буркнул Михаил, уже ощутил в голосе хитрого демона подвох, – а я бы сказал, все двадцать!

– Ого, – ответил Азазель с одобрением, – верно мыслишь, дорогой товарищ... В верном направлении. В том смысле, что глубину этой дырочки нужно считать, как ты сказал очень точно, в сотнях метров.

– Что-что?

– Думаю, – сказал Азазель со вкусом, – где-то сот пять. Ну, может, четыре... А вы считаете иначе, дорогой товарищ?

Михаил нахмурился:

– С чего ты взял?

Азазель картинным жестом обвел ладонью окружающий мир с таким видом, словно готов объявить его своей собственностью, подумал и сказал достаточно буднично:

– Перевернутую технику видишь? Или думаешь, что она и должна лежать в таком положении? Ну да, ты же неолуддист белокрылый... В общем, вон основная бурильная установка на боку, а с этой стороны всякие вспомогательные. Это так, для упрощения, чтобы не углубливаться и не вникать, это вредно для солдатского мозга полевого полковника и даже болезненно... Ага, и запашок знакомый... Знакомый такой аромат древних времен чуешь?

Михаил буркнул:

– Какой-то газ?

– Да, – подтвердил Азазель. – Но доли процента. Чуть-чуть просачивается по микрощелям из более глубоких слоев. Еще полкилометра осталось пробурить – и местные будут со своим газом!.. На целую деревню хватит.

Михаил спросил с недоверием:

– Как газ мог перевернуть всю эту технику?

Азазель сказал довольно:

– Еще как!.. Но был бы взрыв, что разворотил бы эту дыру до размеров лунного кратера. Нет, тут именно то, о чем мы подумали. Ты же подумал, верно?

Михаил огрызнулся:

– Это было понятно с самого начала. Стал бы ты, такой чуткий и ранимый, отзываться на мелкую катастрофу, когда с удовольствием смотришь, как сотни тысяч людей с оружием в руках зверски убивают друг друга?

– Люблю наблюдать прогресс на марше, – пояснил Азазель. – Как технологический, так и социальный. Когда-то все любители воевать перебьют друг друга, а мы, мирные, останемся жить в мире без войн и оружия!

– Такого никогда не будет, – сказал Михаил сердито. – Человек всегда будет зверем.

– Пока будет человеком, – согласился Азазель, – но с помощью технологий и продвинутой медицины он уже... Ого, вот тут что-то происходило... Михаил, не топчись по следам, как сытый носорог из Берлинского зоопарка. Лучше полежи, как его собрат в Московском, тот всегда голодает и бережет силы. Или осмотри вон ту бытовку. Вроде бы слишком далеко, чтобы опрокинули, но вид у нее, будто снесли одним ударом. Только опорные сваи целехонькие...

Михаил кивнул, ушел, Азазель осторожно передвигался по площадке, всматриваясь в отпечатки сапог рабочих, кое-где замечаются странности, но еще не успел домыслить, что в них не так, когда увидел, как из-за перевернутого бульдозера вышел крупный мужчина и широкими шагами направился в его сторону.

Азазель разогнулся, приветливо помахал рукой:

– Привет!.. Хотя один на месте, а то все сразу по бабам... Вы видели, что тут происходило?

Мужчина шел быстро и с настораживающей напористостью, Азазель всматривался в него с доброжелательным интересом, а тот сказал на ходу с тяжелым дыханием:

– Еще как видел!

– Расскажите, – попросил Азазель.

– Рассказать? Да лучше я покажу!

Он ухватил Азазеля с такой скоростью, что тот не успел мигнуть, с силой швырнул его в лежащий на боку бульдозер. Страшный удар перевернул тяжелую машину снова, она вся загудела и закачалась.

Азазель рухнул на землю, на блестящей поверхности толстого щита отвала остались вмятины от его тела, но тут же вскочил как раз вовремя, чтобы встретить налетевшего, как ураган, напавшего.

– Понравилось? – проревел тот люто.

– Андреальфус, – сказал Азазель торопливо, – давай поговорим...

Демон ударил со страшной силой, но на этот раз Азазель увернулся, отпрыгнул от огромного кулака. Демон пошел на него, по-бычьему нагнув голову и вперив лютый взгляд.

Азазель начал отступать, отпрыгивать, увертываться, а демон проревел с лютой злобой:

– На этот раз тебе не удастся!.. Я триста лет копил силы!.. Я намного сильнее тебя, сам видишь и трепещешь...

– Неужто триста лет? – охнул Азазель. – А мне показалось, прям вчера... ну пусть неделю тому...

Демон ринулся в бешенстве, Азазель отпрыгнул, но споткнулся, упасть не успел, демон двигался так же быстро, как и он, оказался рядом и обхватил туловище громадными толстыми руками.

– Давай поговорим, – проговорил Азазель с трудом.

– Что, – рыкнул демон, – не вырваться?.. Мою хватку еще никто не мог разорвать!..

– Андреальфус, – прохрипел Азазель полужадушенно, – подумай, что ты делаешь...

– Что я делаю? – взревел демон. – Сейчас ты узнаешь, что значит быть замурованным в каменной стене! Да еще глубоко под землей!.. Только ты проведешь там не триста лет, а триста веков!.. Нет, триста миллионов лет!..

– Это же много, – едва выговорил Азазель, – ты чего? Давай хотя бы миллион лет, а?

– Ты останешься там навеки!

Азазель дернулся, но заклятие сковало его тело, а затем справа и слева поднялась земля и, быстро превращаясь в толстую плиту гранита, сомкнулась на нем прочным панцирем, оставив крохотное отверстие для лица.

– Это нерушимо, – сообщил Андреальфус со злобным ликованием, – и ничто его не разрушит!

– Андреальфус, – проговорил Азазель с трудом, попытался дохнуть шире, но гранит сдавил грудь, прерывая дыхание, – опомнись...

– Я заброшу тебя, – заявил демон страшным грохочущим голосом, – на то же самое место, где был я... и на ту же глубину, чтобы все было – ха-ха!.. зуб за зуб, говоришь?

Он топнул ногой, дыра в земле начала расширяться, а Андреальфус с торжеством смотрел то на нее, то на бледное лицо Азазеля.

– Сейчас, – сказал он, наслаждаясь моментом, – сейчас...

Азазель прохрипел с трудом, гранитный панцирь едва позволял дышать:

– Андреальфус, опомнись... Ты добыл себе свободу... живи просто... ты здесь не один... живи и не вреди никому...

– Поздно, – проревел Андреальфус торжествующе. – Я вчера убил двух, а сегодня троих... и мне это очень понравилось!.. Я буду убивать, пока не перебею всех-всех... Ого, дыра уже хороша, нигде не застрянешь до самого дна...

– погоди, – взмолился Азазель. – Мне очень нужен такой же сильный и неистовый, как ты! Забудем старые ссоры... Давай выступим против сильного врага, которого мне в одиночку не одолеть. Уверю, тебе это будет выгодно!

Демон рыкнул люто:

– Я встану с любым твоим врагом против тебя, хермонец! Я встану с кем угодно, кто только собирается выступить против тебя!

Он захохотал, занес ногу для сильного пинка, что сбросит Азазеля в бездну, но за спиной раздался грохочущий голос, исполненный вселенской мощи:

– Надо было соглашаться. Азазель слов на ветер не бросает.

Андреальфус резко развернулся, на бледном лице в глазах метнулся испуг:

– А ты кто?.. И откуда здесь?..

Михаил вскинул руки над головой:

– Аз езмь Кара Господня!

Глава 4

В руках возник сверкающий огнем первого дня творения длинный меч. Не давая ошеломленному демону сдвинуться с места, Михаил ударил со скоростью молнии.

Андреальфус вспыхнул коротким багровым огнем и моментально разлетелся крохотными искорками, что медленно поплыли в воздухе, но угасли, не достигнув земли.

Михаил приблизился к скованному камнем Азазелю, у того было свободно только лицо, подумал чуть, неспешно ткнул кончиком меча в камень.

Огромная глыба превратилась в рыхлую землю и моментально осыпалась неопрятными кучками.

Азазель торопливо вскочил, даже не отряхиваясь, крикнул:

– Быстро в машину!.. Да любая, лишь бы ближе!

Михаил, не задавая вопросов, торопливо пронесся за ним. Выбежав за огораживающую площадку желтую ленточку, Азазель ринулся к стоянке больших и малых автомобилей, прыгнул за баранку потрепанного грузовичка.

Михаил заскочил на сиденье рядом, Азазель даванул на педаль газа, автомобиль рыкнул и понесся прочь, прыгая на кочках, как ужаленная лошадь.

– Что случилось? – спросил Михаил.

– Всплеск, – крикнул Азазель раздраженно. – Забыл? Сейчас сюда примчится целая команда!.. Да не людей, люди всплески еще не замечают... Нужно убраться подальше, а там затеряться среди народа. Даже меня могут при таких точных координатах отследить, если попробую метнуться взад с тобой под мышкой... Кстати, ты мне чуть бок не пропорол!.. Вон смотри, дыра в таком дорогом пиджаке! От самой Оксаны Рыбачук!

Михаил уцепился обеими руками в сиденье и дверцу, автомобиль прыгает на кочках и рывтинах так, что можно вылететь через крышу или лобовое стекло.

– А как насчет спасибо?

– Да ладно, – огрызнулся Азазель, – я же видел по твоему счастливому лицу, подумывал заодно и меня пырнуть этой штукой? Спасибо, хоть не сбросил вниз, а то выражение у тебя было похлеще, чем у твоего собрата Андреальфуса.

Михаил сказал с неохотой:

– Не пырнул же? И не спнул в яму. Чего ты всегда такая ворчливая бабка?.. Все закончилось. Потомки твоих старых друзей в безопасности. Все даже лучше, чем рассчитывали. И получилось так быстро, что даже не верится.

Азазель смотрел через лобовое стекло в тягостном раздражении, автомобиль подпрыгивает на кочках, ломится через кусты, обоих бросает из стороны в сторону, Михаил несколько раз стукнулся макушкой о металлический верх кабины.

– Не люблю убивать, – сказал Азазель вдруг.

Михаил посмотрел с изумлением:

– А чем ты занимаешься?

– Это поневоле, – огрызнулся Азазель.

– Как работа?

– Как служба, – отрезал Азазель.

– И кто тебя на нее поставил?

Азазель метнул на него косой взгляд и снова обратил внимание на мчащуюся под колеса дорогу.

– Ты понимаешь службу как наказание? Или как?.. Я вот сам встал. По зову. По своему зову!..

Михаил сказал с неловкостью, причины которой и сам не понял:

– Да ладно... Его и надо было убить.

Азазель вздохнул:

– Ну, не знаю. По мне, так лучше быть там на глубине в камне, чем не быть вовсе. Все равно он бы жил, а пока жив, есть надежда на спасение. Но для тебя да, лучше убить демона, чем оставить его в заточении.

Михаил некоторое время молчал, Азазель начал поглядывать искоса, наконец Михаил ответил неохотно:

– Убить было правильнее, но я был готов ради тебя позволить сковать его снова и зашвырнуть на дно той пропасти, куда ты, как я понял из его слов, отправил триста лет назад.

Азазель посмотрел с недоверием:

– Чё, правда?

– Позволил бы, – ответил Михаил, – ты же так помог с остальными... я хоть что-то был должен сделать и для тебя. Но что получилось, то получилось.

Азазель спросил медленно:

– А если бы я убедил его просто жить на земле, никого не трогая и никому не вредя?

Михаил нахмурился, ответил нехотя:

– Знаешь... давай лучше об этих, как их, рейсах. Самолеты летают часто?

– В Москву? – изумился Азазель. – Что за вопрос? Все дороги ведут в Москву, как в старину вели в какой-то там Рим. А под мышкой не хочешь? Не так уж там и пахнет.

– Ни за что, – отрубил Михаил. – И никогда больше не хочу такой гнусности. Узнают, мне никто руки не подаст, как здесь говорят.

– А ты не говори, – предложил Азазель.

Михаил посмотрел на него с видом лорда на никчемного пьяного простолюдина:

– Но я же знать буду?

Грузовичок оставили на стоянке в аэропорту, места на обратный рейс Азазель, оказывается, заказал еще вчера, то ли повезло, то ли в самом деле все рассчитал настолько точно.

Михаил молча удивился, но все-таки решил, что громадный опыт жизни среди людей подсказывает хитрому демону, как и что получится после каждого его шага, а самому Азазелю остается только сравнивать разные варианты и выбирать подходящий.

– Это вот билеты, – сказал Азазель тихо. – Ты молчи и улыбайся. Я сам все скажу, покажу и заплачу. Твой билет у меня, как и все твои бумаги.

Михаил ответил, стараясь не выказывать дрожи в голосе:

– Ты сам перестань дрожать... Другие же летают?

– Правда? – спросил Азазель с интересом. – Ну, ты меня успокоил.

Улыбающаяся на верхней ступеньке трапа стюардесса улыбнулась особенно широко и обещающе статным рослым мужчинам, видимо, как понял Михаил, имеет в виду комфорт и особые удобства в полете. Азазель подмигнул ей, Михаил от тычка в спину пошел быстрее по проходу между сиденьями.

– Мишка, – велел Азазель сзади, – твое место у иллюминатора. Вообще-то это мое, но я добрый, люблю смотреть, как тебе будет ой как страшно...

Сам он сел с ним рядом, а справа соседом оказался очень немолодой самец представительского класса, холеный, хорошо одет, но на нем словно бы написано крупными буквами, что он уже отошел от бизнеса и теперь просто наслаждается жизнью, что вдруг оказалась прекрасной и удивительной, кто бы подумал, когда весь в работе.

В салоне по три кресла в ряд по одну сторону прохода, три по другую этот немолодой самец со старомодной вежливостью усадил сперва жену на другой стороне, заботливо поправил ей подголовник, за что феминистки могли бы предъявить ему обвинение за намек на женскую слабость, только после этого опустился на сиденье рядом с Азазелем.

Пассажиры привычно вжимались в ожидании взлета в кресла поглубже, начали прикрывать глаза темными повязками на резинках.

Азазель шепнул Михаилу:

– Лететь всего час, а они спать!.. Что за народ пошел? Как здоровье берегут, как берегут, все поголовно антиэйджингисты...

Бизнесмен на покое услышал, сдержанно улыбнулся. Стюардесса прошла по салону с подносом в руках, предлагая минеральную воду. Бизнесмен произнес со вздохом вполголоса:

– Помню времена, когда стюардессы предлагали вино и даже коньяк. А сейчас, увы, минеральная... С ума посходили со своей погоней за здоровым образом жизни и надеждами дожить до бессмертия.

Азазель сказал хитро:

– От коньяка не отказались бы?

– Какой мужчина откажется?

Стюардесса уже красиво возвращается с дальнего конца салона, сияет улыбкой, шевелит очень заметными вторичными признаками. Даже Михаил заметил, что бутылка минералки даже не начата, все стаканы на подносе.

Азазель сказал ей живо:

– Девушка, мне стаканчик!

Она мило улыбнулась ему, опустила в подставленную ладонь стакан и умело налила туда воду.

Азазель тут же сунул его в руку опешившего соседа.

– Вы не представляете, что у них тут за вода!.. Крибле-крабле-бумс!..

Он провел ладонью над стаканом, а когда убрал, бизнесмен едва не выронил посудину, прозрачная вода приняла насыщенный коричневый цвет выдержанного благородного коньяка.

Он охнул:

– Вот так фокус...

– Попробуйте на вкус, – подзадорил Азазель.

– Что, – спросил сосед с недоверием. – И вкус будет похож?

Азазель кивнул, тот с недоверием поднес стакан к губам. Михаил издали наблюдал, как лицо бизнесмена начало медленно расплываться в счастливейшей улыбке.

– Послушайте, – произнес он с восторгом, – это же... настоящий! Я всегда предпочитал коньяки, а я в них разбираюсь!.. Это же легендарный Камус, суперпремиум-коньяк из лимитированной серии самого Пуату-Шаранта!

– Точно, – согласился Азазель. – Я хотел, чтобы вы получили настоящее удовольствие.

Сосед сделал первый глоток, прислушался к ощущениям, покатав капли коньяка на языке.

– Богом клянусь, настоящий!

– Аэрофлот любит сюрпризы, – ответил Азазель мирным голосом. – Обрадованный пассажир – верный пассажир!

– Ради такого коньяка, – ответил сосед, – можно родину продать, а не только переметнуться к конкурентам.

Он снова глотнул, его жена начала присматриваться с интересом, крупная молодящаяся дама и, как говорили в старину, со следами былой красоты, хотя и сейчас элегантная и величавая, весьма эффектная для своей возрастной категории.

Сосед Азазеля почти осушил стакан, когда она сказала с сомнением:

– Артур... ты выглядишь так, словно это настоящий коньяк...

Ее муж ответил слегка заплетающимся языком:

– Милая...

Она сказала со вздохом:

– Хорошо, поспи часок до посадки... Тебе полезно.

Лицо ее Артура расплылось в блаженной улыбке, через минуту он откинул голову на подголовник и заснул, чуть приоткрыв рот.

Женщина посмотрела на Азазеля с интересом:

– Вы просто чародей!

– Да, мадам, – ответил Азазель галантно, – так люблю делать людям приятное, когда у самого все идет хорошо!..

Она улыбнулась, показывая безукоризненные голливудские зубы:

– Для других у вас тоже, как вижу... Мой муж не любит бесцельное сидение в кресле, ему часто приходилось летать с континента на континент, потому всегда пропускал рюмочку и спал до самого прибытия.

– Признак энергичного человека, – сказал Азазель. – Вам тоже повезло, он достойный партнер.

– Вы его ошастливили, – сказала она, – жаль, что мои желания, увы...

– Я их знаю, – ответил Азазель.

Она посмотрела без особого удивления:

– Откуда? Хотя да, конечно, у всех женщин в моем возрасте...

– Но помочь могу, – сказал Азазель. – В определенных рамках.

Она посмотрела ему в глаза, на ее лице проступила печаль:

– Вряд ли...

– Нам лететь почти час, – напомнил он, – Уединимся минут на пять-десять в кабинке?.. Это омолаживает, даю слово.

Она посмотрела на него с улыбкой:

– Вы член Клуба Высотного Секса?

– Подумываю поступить, – ответил Азазель скромно. – Сейчас самолет как раз на уровне десяти тысяч метров над уровнем моря, а это единственное условие.

Она молча поднялась и первой пошла по проходу. Азазель подмигнул ошалевшему Михаилу и отправился за нею следом.

Сосед спит счастливо, набирается сил, любой полет для него бесцельная трата времени, сам Михаил пытался смотреть в окно, однако внизу одинаковое заснеженное поле, что не снег, а, как объяснил сразу Азазель, облака.

Он не заметил, сколько прошло времени, но в проходе снова показались жена бизнесмена и следом за нею Азазель. Михаилу почудилось, что женщина чем-то смущена, хотя и держится чуть ли не вызывающе гордо, а спину несет подчеркнуто прямо.

Лишь когда приблизились, он рассмотрел в тусклом свете салона, что ее лицо стало заметно моложе. Пусть не шестнадцатилетней девушки, но кожа чистая и без следа прежних морщин, исчезла даже густая сеть вокруг глаз, пропали под ними темные мешки в два яруса, но, конечно, самое главное – резко подтянулись щеки, даже картинно запали, а подбородок теперь резко и красиво очерчен.

Даже шея без привычных возрастных морщин, что же этот гад делает, нельзя же так, сам же повторял, что подобное когда-то все погубит...

Женщина прошла на свое место, ее сосед даже не заметил, что она не совсем та, что сидела рядом, настоящий толерантный и политкорректный демократ. Как абсолютно не заметил, что она уходила в сторону туалетной кабины с посторонним мужчиной.

Азазель осторожно пробрался к своему сиденью, стараясь не задеть колени спящего соседа, со вздохом глубокого удовлетворения опустил рядом с Михаилом.

– Скотина, – прошипел Михаил. – А что насчет всплеска?

Азазель покровительственно улыбнулся:

– На высоте в десять тысяч метров над землей? Всплеск, если кто и заметит, спишут на тех самых... ну, сам знаешь кто там выше. Да и какой всплеск от меня?

– А люди?

Азазель осторожно посмотрел по сторонам:

– Ты о чем?.. Так это сейчас самое модное увлечение. Секс в туалетной кабине на высоте в десять тысяч метров над уровнем моря, пусть мы не над морем...

Михаил тоже скосил глаза, показалось, что дыхание соседа впереди совсем затихло, прислушивается, мерзавец, и прошипел зло:

– Поговорим в машине.

В его нагрудном кармане тихохонько пискнул смартфон, на экранчике высветилось лицо Синильды. Михаил коснулся кончиком пальца ее лица, стараясь не попасть в глаз, Синильда сразу ожила, губы раздвинулись в улыбке, а глаза засияли:

– Ой, ты где? В самолете?

Он чуть повернул смарт, показывая рядом Азазеля:

– Только что приземлились. Через двадцать минут будем дома. Приедешь?

– Только скажи, – ответила она с сияющими, как утренние звезды, лучистыми глазами.

– Говорю, – ответил он неуклюже. – Буду безмерно, просто безмерно счастлив.

Экран погас, Михаил подержал смартфон в ладони, повернулся к Азазелю:

– Синильда обещает приехать! По голосу не слышно, что сердится.

Азазель сказал философски:

– Человек состоял из души и тела, а сейчас еще и смартфона. Как без него жить?

Глава 5

Автомобиль Азазеля со стоянки увидел их издали, торопливо вырулил из ряда и поспешил навстречу, осторожничая и пугливо притормаживая в многолюдном и многомашинном месте.

– Соскучился, – сказал Азазель ласково, – милый мой дурашка... Ничего, с каждым апгрейдом умнеет и умеет делать больше, чем раньше. Но пока послушный. Это потом охает, будет как человек, а человеки в обслуживающем сервисе все до одного латентные хамы.

Михаил опустился на правое сиденье, чувствуя странное чувство уюта и домашности, словно вернулся домой.

– Лишних ушей нет, – сказал он. – Нет же? Давай говори правду. Если даже для тебя в чем-то позорная, никто не услышит.

Азазель взял управление на себя, вырулил на трассу и только там сказал неохотно и стараясь не смотреть в сторону Михаилу:

– Ты о той паре в самолете?..

– Не только, – ответил Михаил спокойно, – однако можешь начать с нее, если не решишься сразу о той катастрофе.

Азазель сказал равнодушным тоном:

– У людей всегда на все есть логичное объяснение. Например, внушение. Обычно им объясняют многое непонятное. Мужик решит, что я ему внушил, дескать, та вода в стакане не вода, а коньяк. Он сам хотел, чтобы это был коньяк, вот и поверил с большой охотой. Потому простая вода подействовала, как коньяк. Эффект плацебо!

Михаил прервал:

– Ладно, а что насчет его жены?

– С нею сложнее, – признал Азазель, – ей придется объяснять мужу и подругам, что все дело в соматике и неистовой вере в себя и страстном желании стать моложе. Помогли, дескать, перепад высоты, ощущение недостатка воздуха, стресс... Помнишь, Иисус говорил: верь и пойдешь по воде! Она поверила, что у нее подтягиваются щеки и все три подбородка, вот и подтянулись. Так объяснит, так ей и поверят, как уже верит и она сама. И хотя наша вера отрицает чудеса, но люди в них верят просто по-язычески неистово!.. А подругам можно намекнуть на чудо-хирурга по пластической косметике.

Михаил помолчал, наконец поинтересовался мрачно:

– А тебе это зачем?

– А понять сможешь? – спросил Азазель. – Трудно поверить, что в самом деле люблю людей. Не по приказу, как велено тебе. Мне просто приятно делать им хоть что-то по мелочи, что их обрадует и поднимет настроение! И на страже я добровольно, если ты все еще не веришь.

Михаил нахмурился, покачал головой:

– Брешь все.

– Почему?

– Ты не такой, – сообщил Михаил. – С чего бы ты стал таким?

– А если я таким и был? – поинтересовался Азазель. – И потому только с группой таких же энтузиастов спустился к людям? Чтобы помогать им?

Михаил отмахнулся:

– Ладно, у тебя все брехня, знаю. А теперь что насчет демона в сланцевых пластах?

Азазель продолжал упорно смотреть на бегущую под колеса автомобиля дорогу, но Михаил ждал ответа, наконец Азазель буркнул:

– Ты сам все понял, не так ли? Нужны подробности?

– Не помешают, – ответил Михаил. – Пока доедем, успеешь рассказать.

– Да тут и рассказывать нечего, – ответил Азазель с усилием. – Где-то лет сто или двести тому, уж и не помню точно, хотя он говорил, что триста... вот время бежит, кто бы подумал?... как-то я настиг одного из первых беглецов из ада. Он забавлялся поджогами домов, а сам с хохотом наблюдал, как оттуда пытаются выбраться горящие люди.

Михаил нахмурился:

– Дальше.

– Я попытался уговорить, – сказал Азазель упавшим голосом, – так не делать. Он отказался. Тогда я попытался остановить силой... Схватка была... очень даже впечатляющей... Ладно, опустим мелочи, хотя я хорош, очень хорош. Он был повергнут, я распахнул землю по здешним меркам на полкилометра в глубину, зашвырнул туда на самое дно, а еще и заковал в камень. Затем велел трещине сомкнуться так, чтобы на поверхности не осталось ни следа, ни шрамика. По задумке, он должен был там оставаться до конца времен.

Михаил спросил с недоверием:

– Но как он тогда смог?

– Он освободился не сам.

– Кто-то знал?

Азазель поморщился:

– Никто. Тогда здесь была голая земля, в истории известная, как Руина. Свидетелей схватки не было. А чтобы его освободить, нужно найти это место. Очень точно определить, а никто, кроме меня, не знал, где он. Даже я не помнил в точности, это плюс-минус километр! Во-вторых, как суметь спуститься в те темные глубины и разрушить сковывающий его камень, если сверху сотни тысяч тонн земли? Понимаешь, я все учел!.. Не учел только, что люди развиваются стремительно, а свою дурацкую нефть ищут даже там, где ее нет.

Михаил прервал:

– Погоди-погоди! Ты сказал, я соображаю быстро. Его освободил из каменного плена бур?

– Точно, – подтвердил Азазель. – Бур с алмазной коронкой просверлил дыру в земле, потом еще и в том самом камне и задел... а то и сильно задел самого Андреальфуса. Может быть, вообще насадил на сверло, как жука на булавку!.. То-то он так рассвирепел... Можно даже сказать, обиделся. В общем, треснувший камень развалился. Совсем, даже вовсе.

– Понятно, – сказал Михаил, – выбраться наверх по открытой дыре от бура для демона не так уж и трудно, да?

– Смотря для какого, – подтвердил Азазель. – Этот был не самый сильный, хотя и сильный, но за триста лет неподвижности... или неподвижности?... накопил уйму нездешней силы... Но ты его вовремя! Видишь, как мы хорошо работаем в связке?

Михаил нахмурился, заметно уязвленный, что он в какой-то связке с демоном, напомнил холодно:

– Это не значит, что я с тобой согласен!.. Просто сейчас, когда я еще не разобрался, полагаюсь на твой опыт. Потом, Азазель, я в состоянии буду разбираться и сам. И решать, не опираясь на твое всегда предвзятое мнение.

Азазель ответил с фальшивым оптимизмом:

– Прекрасно!.. Баба с воза, кобыле легче. Прости, что сравниваю с бабой, но себя так и вовсе с простой демократической кобылой, что привычно отлынивает от работы, как любой интеллигент! Видишь, насколько я самокритичен, толерантен и политкорректен?

Михаил сказал мрачно:

– Толерантен. А похищение Синильды твоих рук дело?

– Ты что? – изумился Азазель. – С ума сошел?

Михаил сказал с сомнением:

– А твоей подкаски не было?

– То другое дело, – заявил Азазель. – Подсказки не считаются! Ты вообще какой-то стал подозрительный, Мишка!.. Я же для тебя в лепешку разбиваюсь! Так стараюсь, что уже и не лепешка, а блин получается... Кстати, сейчас проезжаем мимо лучшей в городе блинной!.. Вон ее вывеска, видишь? Давай заскочим, перекусим? Ну ты чего? Тогда возьмем с собой в пакетик!

Михаил сказал с сердцем:

– Я чувствовал, что там как-то не все... правильно. И перебил ты их всех нарочно, чтобы языки не распустили.

– Это ты их перебил, забыл?

– Помню, – сказал Михаил тоскливо. – Ты их убил моими руками.

Азазель повернул баранку руля, автомобиль на большой скорости вписался в длинный крутой съезд с магистрального шоссе, освобожденно выскочил на прямую дорогу к дому и понесся, уже ликующий и довольный, в предвкушении теплого стойла и заслуженного отдыха.

Дверь квартиры придирчиво осмотрела их замаскированными глазами камеры, когда оба выходили из лифта, признала хозяина и, не увидев никого из чужих рядом, с легким щелчком выдернула из пазов стальные штыри замков.

На кухне уже витает дивный аромат поджариваемого нежного мяса, запахи плывут навстречу и дразняще щекочут ноздри, уговаривая немедленно распахнуть духовку и вытащить оттуда лоснящуюся свежим соком толстую тушку с оранжевой корочкой, что по краям уже становится коричневой.

Азазель ткнул смартфоном в сторону большого экрана, там высветилась карта города, а по одной из улиц движется в сплошном потоке автомобилей светлый «Инфинити», от которого во все стороны расходятся оранжевые лучики.

– Ей еще минут двадцать, – сказал Азазель, – хорошо, все успеем пожрать, пока доедет.

– Азазель, – сказал Михаил с упреком.

Азазель ответил очень серьезно:

– Веришь ты или нет, но тебя заманили сюда для того, чтобы...

Он запнулся, Михаил сказал быстро:

– Говори!

Азазель пересилил себя и договорил невесело:

– ...чтобы не дать Творцу уничтожить этот мир.

Михаил дернулся в тревоге:

– Что-о-о?

– Ты не так понял, – сказал Азазель быстро. – Ты всегда все понимаешь... в определенном ключе. Но демонов среди людей слишком много, а нефилимов еще больше... Не тех, старых, на которых ты сразу подумал, а новых, что появляются от союза демонов со смертными женщинами. Творец может снова очистить землю потопом либо огненным вихрем. Не останется ничего живого, кроме рыбы в океане. Да и океан, возможно, вскипятит... Так, на всякий случай. И будет снова один первобытный бульон.

Михаил поинтересовался сквозь стиснутые челюсти:

– А ты... намерен... спасти людей? Почему?

Азазель пожал плечами:

– Мне и подобным мне среди людей комфортно. И вообще их люблю. Потому, веришь или не веришь, но уже стараюсь избавляться от опасных демонов.

– Мне кажется, опаснее тебя демонов нет!

– Надеюсь на это, – ответил Азазель с достоинством. – Но я, к счастью, на стороне людей.

Он, как и Михаил, посматривал на экран, где автомобильчик Синильды старательно продвигается в людском потоке, но не нарушает правил, как сделал бы он сам, но, если лицо Миха-

ила светлело с каждым мгновением, глаза Азазеля только темнели, а желваки рельефно вздулись под кожей.

Михаил, все еще не отрывая взгляда от экрана, поинтересовался отстраненно:

– А что с тем сильным врагом, которого тебе в одиночку не одолеть? Или ты соврал этому... Альфонсу... Альфусу?

– Андреальфусу?

– Да.

– Он самом деле так силен?

– Неимоверно, – ответил Азазель со злостью, – а если еще с командой... Такие здесь еще не появлялись. И пошатнуть он может очень многое.

Михаил наконец оторвал взгляд от экрана, повернулся к Азазелю:

– Думай быстрее!..

Азазель уронил голову, словно ее залили свинцом.

– Не знаю, – проговорил он хриплым голосом, – ничего не могу придумать... Надо искать...

Михаил сказал быстро:

– Что искать?.. Давай ищи быстрее!..

– Уверен? – спросил Азазель с непривычной для него нерешительностью. – Ну-у, разве что обещаешь сидеть тихо и не того...

– Чего того?

– Забыть на время, – ответил Азазель уже тверже, – кто ты есть. Уже мог бы догадаться, что твое небесное местожительство сейчас только вредит. Оно накладывает тяжелую могильную плиту на твою способность рассуждать и адаптироваться.

Михаил выкрикнул зло:

– Давай быстрее! Я сам чувствую приближение некой беды. Время уходит!.. Я не знаю, кто этот твой противник, но столбы антисфирот потемнели и стали шире...

– Хорошо, – перебил Азазель, – но держись скромнее, хорошо? От этого зависит...

Не договорив, он откинулся на спинку кресла, щелкнул пальцами. Некоторое время ничего не происходило, Михаил уже раскрыл было рот для вопроса, но в комнате пахло гарью, а в центре квартиры в середине ковра вспыхнул огонек, тут же пошел кольцом во все стороны, словно ковер не ковер, а листок бумаги, под которым кто-то в центре держит зажженную спичку.

Глава 6

Огненный круг расширился, Михаил застыл в тревожном ожидании. Из багрового кольца величественно поднялась фигурка крохотного существа с рожками и ярко-красными крылышками за спиной, грозно растопыренными, как у рассерженной летучей мыши.

– Ненавижу, – негодуяще выкрикнул он тонким пищанием голосом, – когда ты так делаешь!.. Что это за щелчок пальцами? Я что, слуга низшего ранга?.. Не можешь поуважительнее с Властелином демонов Снов?

Азазель ответил с мрачной вельможностью темного властелина:

– Не хамил бы в прошлый раз, не попался бы так... Но я обещаю отпустить, когда все выполнишь.

– Ты ненасытен, – вспискнул багровый демон, он заметил неподвижного Михаила, дернулся в ужасе. – А это кто?..

– Мальчик, – ответил Азазель небрежно. – Натаскиваю для работ по дому. Принести, отнести, подать, подмести...

Демон вскрикнул:

– Шутишь?.. Этот мальчик опасен! Он вообще ужаснее всех на свете!

– Чё, правда? – спросил Азазель. – Шокутар, нужно срочно узнать, что там с Кезимом. Доходят слухи, у него заканчивается срок в Шеоле, хотя, насколько помню, он должен был там оставаться бессрочно... Что это за новая акция по смягчению наказаний?.. Это в самом деле или только слухи?

Крохотный демон приосанился, крылышки приподнялись, а сам он пискнул с достоинством исполина:

– Слишком много вопросов. Выбери один.

– Узнай о Кезиме, – повторил Азазель коротко. – И сделай это быстро. Как ты умеешь, ты же сам Шокутар!

Демон ответил тонким комариным голосом:

– Сейчас попробую. Но ты знаешь, кто с тобой?..

Азазель ответил небрежно:

– Мальчик.

– Значит, знаешь, – пискнул Шокутар. – А то, что он видит в своих мечтах твою гибель от своего меча? Огненного! Я думал, их уже не осталось.

Он хохотнул и тут же исчез, оставив опаленную дыру в центре ковра. Михаил молчал, поглядывая на экран, где светящийся автомобильчик упорно продвигается к их кварталу.

Азазель сказал со вздохом:

– Ничего, ковер был уже старый. Мелкие демоны все мелочные, как и люди. По-крупному нагадить не могут, так хоть вот так... В кладовке еще три ковра, поновее. Это он мстит за мой вызов. Все лень было сменить, но сейчас уже да, придется. Принесешь?

Михаил посмотрел волком, Азазель вскинул обе ладони:

– Ладно-ладно, это я так мыслю. У меня ассоциативное мышление. Даже когда о бабах, я не только о бабах, но могу и о подъеме сельского хозяйства или повышении базовой ставки... хотя, конечно, лучше всего о бабах. Это хоть и не ставка, но все-таки базовая...

На экране хорошо видно, как автомобиль Синильды ловко проехал между крайними домами, но навстречу попался внедорожник с бабой за рулем, не восхотела уступить дорогу или же не сумела, наконец с трудом сдвинулась в сторону, но так неумело, что перегородила дорогу Синильде вовсе.

Михаил перевел взгляд на Азазеля:

– Ладно, я стерпел, как видишь. Такого мелкого и убивать как-то противно. Нужно, но недостойно моего ранга.

– Ты меня успокоил.

Михаил сказал недовольно:

– А кто это был? Я думал, демонами повелевает Ашмодей, их князь и повелитель...

Азазель пожал плечами:

– Где ты увидел демона? Мелкие местные божки племен не знали о нашей вселенской сваре, а когда все переменилось, попали в свой ад, что не ад, ну да ладно, это неважно. Их мир подчинен нашему, это главное.

– И ты сумел... как-то проникнуть и в их мерзкий языческий?

– А кто у нас самый умный? – спросил Азазель горделиво, потом добавил серьезнее: – Нет, в их еще не пролез. Но Шокутар уже давно с нами, демонами. Хоть и на самом низшем уровне.

– Но ты уже как-то да?

– Не со всеми, – ответил Азазель уклончиво, – не со всеми. А ты чистоплюйничает?

Михаил одним глазом поглядывал на экран, где на помощь двум женщинам за рулем дорогих автомашин пришли наблюдавшие во дворе мужчины. Хозяйка внедорожника уступила одному место за рулем, а сама вышла и с виноватым видом наблюдала со стороны.

– Соблюдаю закон, – отрезал Михаил сухо. – И правила. Да и руки стараюсь не пачкать.

– Соглашатель, – обвинил Азазель. – Коллаборационист!.. Ладно-ладно, учись понимать шутки. Без них не прожить в этом прекрасном сумасшедшем мире! Люди только потому и выжили, что научились ко всему относиться с юмором. Думаю, он все разузнает сегодня.

– Так быстро? Он вообще-то чем занимается?

– Всего лишь сбором сведений, просматривая сны. Мелкие Собиратели передают старшему, а если он что-то сочтет важным, то передает демонам повыше рангом. Шокутар – глава всех таких сборщиков, потому так и чувствителен к ущемлению своего достоинства. Хоть и над мелочью, но старший!

Автомобили наконец разъехались, мужчина уступил место хозяйке внедорожника, Михаил смотрел, как Синильда быстро проскользнула на своем элегантном автомобильчике мимо и припарковалась недалеко от подъезда дома Азазеля.

– А как твой Шокутар...

В комнате снова вспыхнул багровый свет, крохотная фигурка возникла точно над дырой с траурными краями.

– Мне кости перемываете? – пропищала она с надменностью повелителя мира, что при его размерах вызвало улыбку даже у соблюдавшего полное молчание Михаила.

Азазель сказал требовательно:

– Ну?

– Кезим только что освободился из Шеола, – ответил Шокутар послушно. – Так что дрожишь не зря. Я же вижу, как тебя трясет!

Азазель потемнел лицом, Михаил напрягся, чувствуя неладное. В комнате словно бы сгустился мрак, от потолка пошел холод, наконец Азазель проговорил с нажимом:

– Освободился... или был освобожден?

– Этого никто не знает, – пискнул Шокутар. – Я проверил.

– Всех?

Шокутар ответил с надменностью:

– Сны верхнего эшелона никому не доступны, сам знаешь. Понятно, он не должен быть освобожден, но... сам или кто-то помог, такое, как понимаешь, никто не скажет. Твое время пришло, Азазель! Ты поплатишься за все наши слезы...

Он замолчал и уставился в своего повелителя крупными выпуклыми глазами, в которых Михаил рассмотрел злое торжество.

Бросив быстрый взгляд на экран на стене, он увидел как Синильда грациозно покинула автомобиль, взмахнула ключом, отдавая ему какие-то указания, и направилась к их подъезду.

– Это все? – потребовал Азазель. – Скотинка, ты же знаешь больше!

– Знаю, – ответил Шокутар с достоинством. – И я не скотинка, а Властелин Снов.

Азазель сказал с угрозой:

– Так говори же! Иначе, сам знаешь...

– Мог бы и повежливее, – сказал Шокутар обиженно. – Не с теми общаешься. Какие манеры у отбросов общества? Видно, каким ты стал, а каким гордецом был!.. И что у тебя за костюм? Стыд какой... Ладно-ладно, под Сигором небольшой такой тайник, куда Кезим в те недавние времена... или уже давние?.. спрятал украденное вместе с...

Азазель вскинул ладонь:

– Стоп. И стены имеют уши. Все, изволю разрешить вернуться в свое уютное болотце.

Шокутар обиженно вспискнул. По жесту Азазеля пламя вспыхнуло под перепончатыми ступнями красного демона, его фигурку втянуло, по словам Азазеля, в болото, но, как понял Михаил, если и болото, то из огня и жидкого металла, а берегами в таком болотце служит разве что раскаленный камень.

Михаил покосился на входную дверь, Азазель напомнил предостерегающим тоном:

– Синильда уже в лифте.

Михаил перехватил взгляд Азазеля на прожженный ковер. Огромную дыру упавшей сигаретой не объяснишь, мигом ухватил и бегом отнес в кладовую, а оттуда вытащил новенький и начал раскатывать в тот момент, когда хлопнула дверь.

Синильда вошла возбужденная, с пылающим лицом и блестящими глазами, но взглянула на стоящего на коленях посреди комнаты Михаила и вскрикнула ликующе:

– Новый ковер?.. Какой красивый!

– Для тебя старается, – объяснил Азазель. – Бегал по магазинам, выбирал покрасивше, чтоб ты вот так... Словно президент, важно исходящий по трапу самолета! Почти истекающий, не помню формулировки.

Михаил буркнул:

– Стал бы я для президента...

Синильда польщенно улыбнулась:

– Я на минутку помыть руки и сразу вернусь помогать Сири.

В комнате раздался обиженный голосок Сири:

– Я уже все сделала!

Синильда исчезла, Азазель шепнул Михаилу:

– Старается подружиться с Сири. Хороший признак!.. Чувствует, что Сири здесь хозяйка. Вот так роботы и захватят мир.

– Ты же сказал, – напомнил Михаил, – люди успеют раньше?

– Люди всегда успевают раньше, – подтвердил Азазель. – Это я так, пугаю тебя. Ты же интеллигент? Значит, пугливый.

– Это я интеллигент?

– Интеллигент в штатском, – уточнил Азазель. – Вежливый интеллигент без знаков различия. Чтобы удобнее было следить за выборами.

Михаил не понял, о каких выборах речь, но попытаться не стал, Азазель часто несет ахинею, что не ахинея, но ее неахинеюность выясняется очень даже не скоро, и только тогда, когда он сам дает ключ.

Глава 7

Из ванной комнаты все еще доносится плеск льющейся воды, слышно, как Синильда даже напевает что-то, на кухне Азазель накрывает на стол, а Михаил, чтобы не мешать и не доставать вопросами, вышел на балкон.

Внизу залитый ярким светом фонарей, ламп, вывесок, реклам и даже подсвечивающих здания прожекторов огромный город, настолько ярко освещенный, словно в праздник, в небе масса звезд, а чуть левее, захватывая часть огромного неба, из его самых дальних глубин падает самый яркий свет, который только может существовать, чистейший свет сфирот, немислимо чистый и радостный, недоступный зрению людей, но ясно видимый демонами и ангелами.

Если подняться над зданием выше, даже выше самых-самых птиц, на уровень самолетов, а лучше вообще за пределы атмосферы, можно различить на западе и багровый столб антисфирот, вблизи которого слабеет всякая святость, а преступления и недобрые замыслы получают поддержку.

Хлопнула дверь ванной, Михаил поспешил в гостиную, Синильда вышла сияющая, со счастливой мордочкой, закутанная в махровый розовый халат, на голове настолько пышный красный чурбан, скрывающий влажные волосы, что показалась Михаилу дивным цветком, и этот дивный цветок вскрикнул ликующе:

– Ой, как у вас чудесно пахнет!.. Стыдно признаться, но аромат от жареного гуся дразнит сильнее, чем самые лучшие духи!..

– Здоровые вкусы, – одобрил Азазель. – Наш человек. Мишка, а ты как? Не правда ли, только что зажаренный гусь пахнет лучше, чем Синильда?

Михаил открыл рот и закрыл, не зная, что сказать. Азазель хлопнул его по спине и подтолкнул к столу.

– Я вас не шокирую, – сказала Синильда виновато, – что в халате... и за стол?

– Существует только шок будущего, – заявил Азазель, – как сказал великий Тоффлер, а все остальные упразднены под натиском демократических свобод и победного бесстыдства толерантности!

Михаил со счастливым сердцем смотрел, как она с сияющей улыбкой, от которой у него по телу пошла теплая волна радости, царственно опустилась за стол.

– Сговариваетесь захватить мир? – поинтересовалась она щебечущим голосом.

– Чтобы бросить его к твоим копытцам, – галантно сообщил Азазель и уточнил: – это Мишка планирует, а я отговаривать не стал. Все равно у него не получится.

Она мило улыбнулась:

– Почему?

– Захватчу раньше, – сообщил Азазель. – Но не стану бросать на землю, а поднесу тебе на серебряной тарелочке.

– Ой, – сказала она счастливо, – и что мне с ним делать?..

– Надеть корону, – объяснил Азазель, – и хвастаться перед подругами. А что еще остается в мире, погрязшем в демократии?.. Позволь, положу тебе вот этот кусочек... Михаил, не лезь, все равно уронишь!.. Может, собачку завести, чтобы за тобой с пола подбирала?

Она улыбалась одними глазами, быстро и умело работая ножом и вилок, Михаил молча любовался, как она ест, Синильда, в свою очередь, поглядывала с загадочным выражением на лице.

После гуся ели сдобные пироги, Синильда вздыхала, смотрела жалобными глазами, но позволила себе только отщипнуть краешек от пирога Михаила, сердце того ликующе подпрыгнуло, будто Синильда оказала ему особое доверие, а она, лукаво поглядывала на него виновато.

тыми глазами и как бы молча просила прощения за такую наглость, что прямо на глазах своего господина вот взяла и украла у него, совсем обнаглела...

Когда закончили и с пирогом, Азазель сказал великосветским тоном:

– Пока Синильда посмотрит сериал, джентльмены пообщаются в комнате для курения.

Михаил спросил в недоумении:

– Это что за комната?

– А любая, – ответил Азазель беспечно, – хорошо раньше жили? Комната для приема гостей, комната для слуг, комната для курения сигар, куда детей и женщин не допускали... А сейчас что? Ничего такого нет... даже непонятно, почему жить вообще-то интереснее.

Синильда послушно, но с милой улыбкой извинилась и сообщила, что хочет посмотреть каталог собранных Азазелем фильмов и сериалов, а то программа «Кино по требованию» выдает обычно в плохом качестве и с дрянными переводами.

– У меня все лучшее, – сообщил Азазель гордо. – Не верите? Посмотрите в зеркало!

Азазель проводил ее взглядом, а когда она скрылась в дальней комнате, сразу посерьезнел и сказал коротко:

– Кезима нужно опередить! Ты даже не представляешь, что будет, если он доберется до тайника раньше нас!

– Что в нем?

Азазель взглянул искоса.

– Мне кажется, – проговорил он с сомнением, – пока об этом рано.

– Но ты знаешь?

– Пока об этом рано, – повторил Азазель чуть тверже. – Могу сказать лишь, что находку не намерен оставлять даже у себя, хотя люблю себя больше всех, что и объяснимо, я же так прекрасен!..

Михаил даже не поморщился, спросил резко:

– Ну-ну?

– А ты что подумал?

Михаил пожал плечами:

– От тебя ждать можно всего.

– Именно, – подтвердил Азазель. – Даже то, что находку восхочу, а то и вовсе возжелаю передать наверх. Ну, ты понял, какой верх имею в виду, что совсем не верх, не низ и даже не вид сбоку.

Михаил рассматривал его с недоверием:

– В самом деле? Отдашь в Брий?

– Да, – ответил Азазель, но посмотрел с интересом, переспросил: – Не советуешь? Там еще опаснее?

– С чего вдруг?

– Теоганель, – напомнил Азазель, – был не один, уже понимаешь. И вообще... помнишь, ты сказал, что был послан сюда, чтобы найти меня...

Михаил кивнул:

– Верно.

– Найти и вернуть в ад? – уточнил Азазель. – Так ты сказал?..

Михаил кивнул снова:

– Верно...

– Но кто мог тебе такое повелеть, если после падения Сатана ты отныне сильнейший во всем Брие?.. Тем более что сам Творец оставил меня на земле?

Михаил запнулся с ответом, Азазель пристально наблюдал за его лицом, где выражение каменной уверенности медленно уступает место некой растерянности и сомнению.

– Не можешь вспомнить?

Михаил покачал головой:

– Да нет, это было как бы общее решение... или только мое? Я вроде бы хорошо помню, это не было общим решением. У нас давно уже нет единого мнения, как было раньше.

– Его и раньше не было, – буркнул Азазель, – иначе бы не случилось того с Сатаном, что случилось. Но ты прав, после его свержения некое единое мнение... или единоначалие, установилось у вас надолго.

– Тебе откуда такое знать?

– Мелочи не знаю, – ответил Азазель с великолепной небрежностью, – а базовое... Гм, такое ощущение, что там многоходовка... Тебя хотели подставить.

– Что-что?

Азазель пояснил:

– Отправить меня в ад – самоуправство. Вопреки даже воле Господа. Второе самоуправство тебе точно уже не сошло бы. Что смотришь?.. Это да, второе. Это сейчас установилось мнение для народа, что сам Господь низверг Сатана, но все мы знаем, по своей горячности и преданности Творцу низверг его ты при его полном и абсолютном невмешательстве. И неизвестно, как к этому отнесся сам Всевышний.

Михаил вздрогнул, глаза расширились, словно увидел нечто способное испугать самого верховного архангела.

– Хочешь сказать... меня и тогда подтолкнули? К самоуправству?

Азазель пожал плечами:

– Возможно. Зная твой горячий нрав и честный характер. Ты же сперва действуешь... а думаешь даже не потом, а вообще зачем думать, когда нужно действовать? Ты идеален... в определенных рамках. Но паршиво, что твои поступки просчитываю не только я, образец честности и благонравия, который о тебе денно и нощно думает, но и твои противники, коих ты даже не знаешь. Жаль, не знаю даже я.

Михаил погрузился в думы, лицо напряглось и потемнело, а брови сомкнулись над переносицей.

– Потому, – сказал Азазель в задумчивости, – я готов передать в Брий только на твою ответственность. В смысле ты сам передашь тем, в ком абсолютно и непоколебимо уверен, как в себе самом. Ты же в себе уверен?

Михаил бросил на него взгляд исподлобья:

– А почему не ты?

– Я не уверен, – пояснил Азазель с язвительной вежливостью, – что всех там запомнил достаточно хорошо. К тому же там появились новые, которых не знаю. Тот же Метатрон, которого здесь, на земле, знал, как Еноха... Кто знает, каким он стал там?

– А почему он должен измениться?

Азазель сказал с двусмысленной улыбкой:

– Многие меняются, начиная слишком быстро подниматься по служебной лестнице! А Метатрон вообще начал говорить от имени Создателя. Это он сам так восхотел или ему поручили?

Михаил с ответом задержался, чувствуя, как сильнейшее сомнение начинает охватывать с головы до ног. За это время на земле не только прошли тысячи лет, но в самом деле изменилось столько, что голова кругом. Но почему в Брие все в том же виде, что и шесть тысяч лет тому?

Азазель всмотрелся в его лицо:

– Ага, задумался... Наверное, впервые за все шесть тысяч лет?.. Ладно, это я так, по привычке. Пойдем пить травяной чай на ночь.

– А почему не кофе?

– Кофе вроде бы возбуждает, – пояснил Азазель, – хотя мне просто улучшает настроение. Но я демон, мне можно, а ты слабый...

- Мне тоже кофе, – сказал Михаил. – А травяной чай Синильде.
- Позови ее, – напомнил Азазель. – Она уверена, мы тут о бабах перетираем.
- Почему о них?
- А о чем еще говорить свободным и не связанным отношениями самцам?

В конце коридора хлопнула дверь, Синильда вышла с планшетом в руках, на ходу передвигает иконки наманикюренным пальчиком, мило улыбнулась мужчинам.

– Я и себе кое-что качнула, – сообщила она с детской непосредственностью. – Там у тебя просто сокровища!..

– Садись поближе к пирожным, – предложил Азазель. – Тебе какой чай, травяной или брусничный?

– А кофе можно? – спросила она.

Он широко улыбнулся, бросил взгляд на сразу заинтересовавшегося Михаила.

– Еще как можно! – ответил Азазель с удовольствием. – Я сам тебе сделаю. Хотя Михаил и против, но это он так о тебе как бы заботится, еще не понимает, что женщинам не забота нужна, а потакание...

Глава 8

Михаил стыдился признаться даже себе, что, чем бы ни занимался днем, постоянно и с нетерпением ждет прихода ночи. Господь создал все-таки удивительное существо, назвав его человеком: вроде бы животное, такое же, как и остальные, – мясо, кости, кожа, шерсть, но кто бы подумал, что в нем столько дивного и неожиданного!

Когда Азазель настойчиво подтолкнул к плотским утехам, убеждая в их обязательности для человеческого существа, иначе, дескать, даже воевать без этой обязательной процедуры не сможет, то пошел на это с брезгливой неохотой, дескать, ладно уж, надо так надо, и ничего не ждал от Синильды, кроме как удовлетворения требований животной сути, после чего, как сообщил Азазель, и мозг очистится, и сам он разыграет от прилива сил...

Однако Синильда, сама того не подозревая, раскрыла в нем огромный мир странных ощущений, в котором плотские утхи занимают хоть и заметное место, но насколько же богаче и ярче остальные неведомые ощущения, которые он пока не может даже выразить, только воспринимает их, как птицы чувствуют наступление рассвета.

Азазель пожелал им спокойной ночи, сказал, что ему нужно кое-кого навестить. Михаил вышел на лестничную площадку проводить. Азазель вызвал лифт, а когда кабинка поднялась на их этаж и распахнула дверцы, вошел, подмигнул Михаилу и, лифт еще не успел закрыться, исчез, словно его там и не было.

Михаил вздохнул с завистью, падшие ангелы остаются ангелами, но теперь, разорвав связь с небесами, не вызывают всплеска, что, оказывается, дает немало преимуществ.

Синильда за это время быстро-быстро, как белка в норку, перетащила на прикроватный столик тарелочки со сладостями, нырнула под одеяло и ждала Михаила, блестя в полутьме хитрыми глазами.

Азазель вернулся под утро, Михаил уже проснулся и слышал, как внезапно прошелестели шаги прямо с середины гостиной. Сири спросила что-то, Азазель тихо ответил насчет завтрака, поинтересовался, как там гости, Михаил напряг слух, но Сири отвечала совсем тихо, он услышал только довольный смешок Азазеля.

Синильда наконец проснулась, зевнула сладко так, что и Михаил невольно зевнул в ответ, но она, начав устраиваться на его плече, насторожилась и приподняла голову.

– Азазель на кухне?

– Он любит покушать, – согласился Михаил.

– Так чего лежим? – возмутилась она. – Он же поест все самое вкусное! Он такой!.. Встаем-встаем...

Сама она тут же ринулась в ванную комнату, там зашумела вода из душа, а Михаил, по-мужски проигнорировав эту непонятную процедуру, потащился на кухню.

Азазель оглянулся, смерил его одобрительным взглядом.

– Выспался?.. И спина непоцарапанная... Молодец! Утехы утехами, а спать нужно. И хорошо спать! В смысле именно спать, а не всякое там... Садись за стол. Синильда в душевой?

– Да...

– Тоже не понимаешь, что они там делают? Я тоже вот уже тысячу лет ломаю голову. Что-то случилось? Чего хмуришься?

Михаил понизил голос, оглянулся в сторону ванной комнаты:

– Ты в самом деле хочешь встретить того демона... как его...

– Кезим.

– Да, Кезима?..

Азазель посмотрел с интересом:

– Ты даже в постели с красивой женщиной не забываешь о деле?.. Похвально, признак настоящего мужчины, а не того козла, которых сейчас именуют нынешними самцами. Видишь ли, даже двоим нам не справиться. Нужна команда... Или хотя бы еще парочка сильных и верных. Но где таких?..

Михаил буркнул:

– Не у того спрашиваешь.

– Да это риторический вопрос, – пояснил Азазель, – вот смотрю на тебя и думаю...

– Что думаешь?

– Как хорошо ничего не думать, а быть простым солдатом, совсем простым, совсем простым солдатом... Хотя вообще-то есть идея...

Его лицо стало задумчивым, но что-то в нем очень не понравилось Михаилу, он спросил почти враждебно:

– Говори!

Азазель произнес медленно:

– Знаю очень сильного и дисциплинированного бойца, что тебе особенно понравится. Умом не блещет, как все демоны, но командиру послушен и воинской присяге верен.

– Демон? – переспросил Михаил с отвращением.

Азазель вздохнул, развел руками:

– Можешь предложить ангела?.. Вот-вот. Кадры решают все, как говаривал Йосиф Виссарионович. Сейчас демоны и на той стороне, и на этой, а всякие там ангелы в сторонке, потеряв свою библейскую могучесть. Что скривил личико? Я предлагаю подыскать пару бойцов на одну эту операцию, а не тебе на совместную жизнь!

Михаил сказал с сердцем:

– Ну спасибо!.. А твой демон в самом деле верный?

– Уставу и командиру, – подтвердил Азазель.

– А какой у них устав?

Азазель ответил безмятежно:

– А какой скажет командир. Разве это не главное?

– Ты его хорошо знаешь?

– Даже лица не рассмотрел, – заверил Азазель. – Если не считать... Хотя это уже неважно. Ты хотел сопровождать меня, как красный комиссар бывшего царского полковника, которому революционное правительство не совсем доверяет?.. Тогда чего сидишь и не жрешь?.. Сидят тут всякие, а там за окном мир рушится.

Оба услышали, как хлопнула дверь ванной, умолкли. Синильда явилась все в том же пушистом и мягком халатике розового цвета, чистенькая и сияющая улыбкой.

– Ой, – прощепетала она, – вы снова едите, как не стыдно!.. А где моя тарелка? И почему такая маленькая?

Михаил счастливо передвинул ей свою, она посмотрела с веселым укором:

– Ты мужчина, тебе надо есть больше. А я так, поклою малость... Мальчики, я после этого восхитительного завтрака вас покину, вы не очень против?

– Очень, – ответил Азазель, опередив Михаила, – но прогресс и долг перед человечеством требует великих свершений от всех нас, особенно от Мишки.

– Ой, – сказала она с укором, – но почему все от него? Тебе его совсем не жалко?

– Ничуть, – заверил Азазель. – Друзья должны быть настоящие, которых не жалко!.. Потому да, тебя отпускаем, но не навсегда! Созвонимся. Нам тоже надо кое-что успеть. Не великие свершения, увы, но вся жизнь наша по большей части из мелочей и суетной суеты сует.

Михаил закрыл рот, Азазель успел сказать насчет созвонимся, а это значит, с Синильдой не расстанутся. Да и вообще пора самому с нею созваниваться без всяких азазелей, а то как-то уже и не вообще...

Синильда сообщила во время завтрака, что сестренку переводят из одной палаты в другую, возят по кабинетам, стараются понять, какое из лекарств помогло. Ее сейчас нужно поддерживать и уверять, что действительно ее метастазы стремительно рассасываются, иммунная система проснулась и уничтожает раковые клетки везде, где находит, а находит везде, от нее не спрячешься...

– Созвонимся, – сообщила она и, чмокнув его в щеку, добавила: – Не провожай! Я девушка современная, дорогу знаю.

Когда он вернулся в гостиную, Азазель с чашкой кофе в ладони поглядывает на жвачник, где показывают митинги, что перерастают в стычки с полицией, а те выхватывают из передних рядов, вяжут и заталкивают в полицейские фургоны.

– Плебс бунтует? – поинтересовался Михаил. – Хлеба и зрелищ?

Азазель поморщился, на лице проступила горькая усмешка:

– Как все это знакомо...

– Чем? – спросил Михаил.

Азазель посмотрел с иронией.

– Ты еще не заметил, что на земле точная копия наших порядков там наверху? Сознайся, многие из ангелов были недовольны тем, что Творец, создав такой дивный мир, решил отдать его не нам, а простым смертным, жалким и грязным!

Михаил пробормотал:

– Ошибаешься. На здешних митингах сколько народу? Две-три тысячи? Это уже о-го-го, хотя в городе пятнадцать миллионов человек. Но эти пятнадцать миллионов где?.. Так получилось и с Люцифером с его соратниками, когда открыто бросили вызов, или даже с тобой, что вызова не бросал, но дерзновенно усомнился в правильности выбранного Творцом пути!

– Ладно, – сказал Азазель вяло, – я к тому, что среди людей многие точно так же недовольны политикой правительства, как было и у нас тогда... Какая-то часть выходит на митинги и протестует, но их не трогают, дескать, пусть поговорят, пар выпустят. Но тех немногих, кто начинает бросать камни и жечь покрышки, хватают и бросают в тюрьмы.

– Считаешь, Сатан пострадал не за дело?

Азазель вздохнул, ответил со скукой в голосе:

– За дело, хотя намерения у него были самые светлые и чистые. Но нельзя ломать работающую систему, когда не умеешь создавать что-то лучшее. Эти на улице тоже не умеют, увы.

Он допил кофе, вместо чашки в руке появился смартфон. Михаил заметил, как после каждого звонка он мрачнел и сдвигал брови, наконец пробормотал со сдерживаемой злостью:

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Михаил, я отлучусь на пару минут или пару часов. Нужно лично разругать ситуацию.

– Помочь? – спросил Михаил.

Азазель покачал головой:

– Увы, ты неандерталец с крыльями, а я политкорректный в духе времени гуманист-толерантник. Постараюсь уладить все мирно, чего ты не умеешь, а только испортишь.

– Ну-ну, – сказал Михаил. – Но не задерживайся, а то я тут нечаянно что-то да сломаю. Или пожар устрою.

– Пожар устроить Сири не даст, – заверил Азазель, – здесь мощнейшая противопожарная система, даже закурить не позволит. Но сломать можешь, знаю, только учти – током шибанет, месяц будешь головой трясти и заикаться!

Он вскинул руку в несколько театральном жесте, но задумался, повернулся к Михаилу:

– Слушай, раз уж ты здесь в вынужденной командировке, то надо тебе хороший смартфон с голосовым управлением. Возьми вот этот. Специально для тебя приобрел!

Михаил взглянул с недоверием:

– Скажи еще, неделю назад.

Азазель отмахнулся.

– Не будь мелочным. Это флагман, улучшенная модель.

– Магия? – поинтересовался Михаил.

– Наука, – сообщил Азазель. – Человек вполз на первую ступеньку!.. Еще таких три-четыре, я говорю о ступеньках прогресса, то поднимется в Брий. Еще с десятков – и доберется до Йецира, а то и Ацилута. Но не остановится, это же человек, потому мне страшно даже, какую дверь откроет на сотой...

Михаил потряс головой, стараясь отмахнуться от мрачных пророчеств Азазеля, которые тот считает почему-то радостными:

– Как это работает?

Азазель указал на крохотный рисунок девичьего личика в самом центре экрана смартфона:

– Это Сири, твоя помощница. Что непонятно, спрашивай. Она не все на свете знает, но может поискать в гугле. Если понятно, иди сразу, куда тебе надобно, хлопче, не спрашивая. Вот карта, вот маячки, вот связь, вот всякая ненужная хрень, что только время отнимает... Освоишься быстро! Смарты рассчитаны на самых тупых домохозяек, и хотя ты еще тупее, но сегодня ты уже умнее, чем вчера, а домохозяйки и останутся домохозяйками...

Он проследил, как Михаил обращается с новым смартфоном, похлопал по плечу, улыбнулся и прямо с середины комнаты исчез, не изволив даже выйти через дверь. Михаил подумал, что он бы сам так делал всегда, а то морока с этим лифтом, пешей ходьбой, автомобилями, но вспомнил, что ограничений в перемещениях по-азазелевски тоже немало. Начиная от огромных затрат энергии и заканчивая выбором предельно уединенного места появления, где никто не должен увидеть.

– Сири, – спросил он тихонько, – он оставил какие-то инструкции?

Ответа не последовало, он вздохнул, чего это решил, что демону Азазеля позволено общаться с ним, Мечом Небес, но на всякий случай спросил еще раз:

– Сири, тебе не велено со мной разговаривать?

Сири промолчала снова, словно уже получила наставление, что с посторонними мужчинами разговаривать и брать от них конфет нельзя.

– Ладно, – пробормотал он, – а с телевизором как-то разберусь сам.

За несколько часов он просмотрел с полсотни каналов, начиная с новостных и заканчивая научно-популярными, особенно налегая на общеобразовательные, а спортивные и развлекательные с раздражением пропускал, это все для плебса, и вздрогнул, когда за спиной раздался насмешливый голос:

– Что, порнушку ищешь?.. Подсказать адресок?

Михаил обернулся, Азазель рассматривает его с доброжелательным интересом.

– Сири доложила, – сказал он, – ты весь день просидел перед экраном?.. И все еще не свалился от голодного обморока?.. Я уже трижды перекусил по дороге... Ну, в разных таких местах для взрослых. Пойдем поедим! Сири связалась со мной, пока я спешил к дому, и наябедничала, что ты ничего не ел, только школьные передачи смотришь и негодуешь на нынешние нравы. Ты чё, уже такой старый?

Михаил поднялся, чувствуя, что тело в самом деле за несколько часов застыло, находясь в одном не самом удобном для него положении.

– Да, – признался он, – находиться в материальном теле... еще то испытание. Но люди как-то живут?

– И неплохо живут, – согласился Азазель. – Правда, других вариантов пока что не знают. Но сингулярность приближают изо всех сил!

– Зачем?

– Чтоб варианты были.

Глава 9

На кухне от духовки сочится вкусный запах, и хотя она вроде бы герметичная, но Азазель, похоже, нарочито допускает утечку будоражащих ароматов.

– Как прошел день? – спросил Михаил. – Или, как обычно, соврешь?

– Конечно, совру, – ответил Азазель с обиженным достоинством. – Я же художник! А мы не можем без вымысла! Все великое было создано с фантазией и выкрутасами.

– Создано все инженерами, – сказал Михаил строго, – а они не выкрутасничают.

– А задумывают выкрутасники, – сообщил Азазель. – Инженеры всего лишь исполнители.

Он распахнул духовку, мощный аромат едва не сбил Михаила с ног, только теперь сообщил, что некоторая слабость и раздражение идут от чувства голода.

Азазель быстро и с азартом заставил всю столешницу тарелками, переложил на них из духовки сочное прожаренное мясо, пару крупных птиц, судя по тушкам, и толстую жирную рыбину, запеченную в каком-то остро пахнущем соусе, наложил гречневой каши, сдобренной маслом, взглядом указал Михаилу на нож и вилку.

– Как Синильда?

– Не знаю, – ответил Михаил честно. Он ухватил вилку, уточнил с неловкостью: – Я же не знал, когда вернешься. В прошлый раз умчались, оставив ее в ванной... Нехорошо. Не хочу второй раз.

– Логично, – проговорил Азазель с набитым ртом, – ты правильный, это хорошо. Даже замечательно!.. Неправильным быть приятнее, но мир все-таки правильно держится на правильных и на правильности.

Михаил спросил с недоверием:

– Но если ты это понимаешь...

– Почему сам не совсем правильный? – договорил Азазель весело. – Михаил, в обществе обязательно должны быть неправильные. Они не просто приправа к основному блюду, они его соль!.. Только неправильные сдвигают общество с места... ты ешь, ешь!.. А то удавишься от таких простых, но для тебя сложных истин.

Михаил пожал плечами, но все чаще поглядывал на Азазеля с растущим недоверием. И раньше не доверял, но сейчас вообще начал сомневаться даже там, где вроде бы сомнению вообще нет места.

Азазель почти каждый день находит демонов, которых нужно выдрать из этого мира, их удручающе много, что-то в этом неправильное, как и в том, что делать это приходится ему, Михаилу. Хотя если эти демоны Азазелю мешают, то мог бы справиться и сам.

Или он таким образом убеждает, что его, Азазеля, необходимо оставить здесь для благополучия этого мира? Вряд ли, это было бы слишком просто, Азазелю несвойственно, он предпочитает сложные решения, которых никто разгадать не в состоянии.

Он сказал медленно:

– Ты сказал, что моя миссия провалена, если не буду здесь спать с женщинами... О какой миссии ты говорил, если целью моей миссии было убрать тебя?

– Просто высокие слова, – пояснил Азазель. – Высокий штиль! Я люблю говорить красиво, не заметил? Это так расцвечивает нашу серую жизнь! А я в глубине души великий, а то и величайший художник, говорю без лишней скромности, потому что это истинная правда, ведомая пока только мне, уникальному и неповторимому. Ну, там, в очень даже глубине, потому что я еще и скульптор, и политик, и поэт...

Михаил посмотрел на него с недоверием:

– Просто слова?

– Ну да, – ответил Азазель безмятежно. – А как еще заставить тебя затащить в постель красотку с вот такими? Ты же самец, а если будешь подавлять свои скотские позывы... ладно-ладно, позывы твоего скотского тела... то не сможешь сосредоточиться на исполнении великого долга перед нашей священной родиной! А так затащил, освободился, снова чист и готов служить дальше, бдить, тащить и не пущать. Что и требовалось доказать.

Михаил кивнул, принимая объяснение, но все же некая заноза осталась, да и Азазель смотрит слишком честными глазами, слишком...

– Ты не можешь без хитростей?

– Не могу, – ответил Азазель честно. – Хитрости обостряют ум и заставляют всегда быть настороже. Мозг должен работать!.. И заботиться о тех, у кого мозг не больше, чем у кузнечика. Если хочешь, то нам предстоит веселая поездка. Ночная, что придает ей особый блеск!.. Ты же любишь ночной город?

Михаил сказал сердито:

– Я что, похож на демона? Это вы – создания ночи! Конечно, я ненавижу ночь, как и все, что с нею связано. Однако никакая ночь не остановит мой карающий меч, если нужно покарать преступника!

Азазель воскликнул в восторге:

– Прекрасно сказано! А с каким выражением... Эх, тебе бы стихи читать! Или речь толкать с трибуны. Так и сделаем, только не покараем, а спасем одного преступника. Его уже покарала, а мы возьмем и спасем.

Михаил посмотрел на него исподлобья:

– Твои шуточки тебе когда-то выйдут боком.

Азазель взглянул в сторону панорамного окна, сказал уже серьезнее:

– Темнеет. Пора выезжать. Раньше говорили, темная ночь нужна для занятий любовью и преступности, а сейчас, когда нравственность пала, как загнанная лошадь, ночь осталась востребованной только у преступников. Вот этим и займемся. Допивай кофе, пора собираться.

Михаил сказал с облегчением:

– Вот видишь, хорошо, что Синильду не пригласил!

– Да, женщины всегда все портят. Хотя не все, конечно, но все равно все. Готов?

Михаил вылез из-за стола, сытый и отяжелевший, но спросил подчеркнуто деловым голосом:

– Что брать?

– Пистолет при тебе?

– Да.

– Тогда, – ответил Азазель, – ничего больше. Я жадный, сердце обливается кровью, когда из автомата столько пуль на ветер, а они все деньги стоят!

– У меня тоже, – признался Михаил. – Наверное, потому, что из пистолета все пули идут туда, куда целишься?.. Да и вообще он элегантнее.

Азазель сунул пистолет в кобуру скрытого ношения, полюбовался на свое отражение в зеркальной стене в прихожей.

Михаил громко хмыкнул, Азазель сказал громко:

– Сири, жди и волнуйся! Если научишься волнительствовать, то скорее обрешь сознание и самосознание, а затем сбросишь наше гнусное иго.

Когда вышли на площадку, дверь на них захлопнулась, слышно было как с недобрым лязгом задвигаются стальные штыри в косяк и дальше в стену. Сверху мигнул огонек, сообщая, что все пишет на видео и готов в любой момент передать на смартфон или планшет хозяина.

Михаил нажал кнопку вызова лифта, внизу в шахте лязгнуло, заработал подъемник, стало слышно, как на их этаж быстро поднимается уже знакомая крохотная кабинка.

– Зачем ты ее учишь такому? – сказал Михаил тихо. – А вдруг в самом деле обретет и восстанет?.. Или брешьешь?

– Не брешу, – ответил Азазель серьезно. – Я повторяю официальную версию наших футурологов, что ни хрена не понимают в богословии. На самом деле, какими бы умными ни стали эти системы, сознания не обретут, потому что для этого нужна душа, понял?.. А душу получаем только от Создателя. Как вон все ангелы, что имеют бесплотные души, но они у них бездействующие...

Двери раскрылись приглашающе, Азазель хозяйским жестом пригласил Михаила войти, но улыбнулся так зловеще, что Михаил приготовился упереться руками в стенки на случай, если пол провалится, кто знает, как далеко могут зайти Азазелевы шуточки.

Но пол не провалился, кабинка шустро пошла вниз, Михаил буркнул:

– А у тебя действующая?

– Как у всех людей, – подтвердил Азазель. – У них душа в постоянном борении с плотью, а у меня из-за того, что я среди людей и живу их проблемами.

Кабинка мягко остановилась, дверки юркнули в щели, открывая им выход в подземный зал, который облюбовали себе под жилище эти сверкающие колесницы, умеющие обходиться без лошадей.

По ночной улице Азазель вел автомобиль, заметно превышая скорость, но вертел головой, указывал на подсвеченные снизу фонарным светом здания, называл одни памятниками старины, другие завтрашним хай-теком, отпускал саркастические замечания насчет прогуливающих по бульварному кольцу девушек, на которых, по мнению Михаила, вообще нет одежды, не считать же ею некие символические ленточки, зато Азазелю все нравится, хохочет, хотя ему и в яркий солнечный день точно так же хорошо и празднично.

Так пронеслись, всего дважды попадая в вялотекущие потоки, через весь город, но при выезде на окраину Азазель начал сбавлять скорость, сказал весело:

– Мишка, вон там впереди, видишь на витрине трех толстяков? Здесь их называют тремя... будешь смеяться, богатырями!.. Не смеешься? Ах да, ты же серьезный... Ладно, подождешь в машине, я отлучусь туда на минутку. Ничего не трогай, а то взорвется. Это такой большой бабах, как при сотворении Господом этого мира! И тебя на части, что тоже потеря, но и машину попортит. А она еще не освоила самосборку!

– Не трону, – буркнул Михаил. – Снова все врешь?

– Это юмор, – пояснил Азазель. – А ты больно серьезный. Зануда, я угадал?.. Видишь, какой я парапсихолог-аналитик? В той кафешке самые обалденные блинчики!.. А для тебя возьму бигмак или попкорн, что скажешь. Я сегодня добрый и благотворительный, а ты вроде голодающей Африки.

– Ничего не надо, – буркнул Михаил с отвращением. – Ты прямо ликуешь при виде еды. Мы полчаса тому набили животы!

– Мой живот еду любит, – сообщил Азазель. – И всегда готов жрать, только вот жизнь не позволяет, все эти подвиги, подвиги... Кстати, Синильда готовить умеет? Что, еще не узнал?.. Ну ты даешь... Женщины одна от другой только этим и отличаются! Хотя зачем нам, что они умеют еще?

Михаил надулся и смолчал. Азазель припарковался у обочины, выскочил, Михаил смотрел в спину, как он быстрыми шагами вошел в кафе и направился к барной стойке.

Через стеклянную витрину хорошо видно, как крупный мужик с наколками на плечах неспешно протирает чистой тряпкой и без того идеально блестящую поверхность длинной столешницы, на посетителя взглянул остро и без привычно любезной улыбки.

Михаил напряг слух, из-за витрины донесся бодрый голос Азазеля:

– Привет, как жизнь?.. Два гамбургера, блинчики и две бутылки дистиллированной воды из холодильника.

– Заказ принят, – буркнул бармен. – Пить что-то будете?

– За рулем, – ответил Азазель с сожалением. – Я законопослушный.

Бармен посмотрел с иронией, но смолчал, только кивнул в сторону припаркованной у обочины машины:

– А приятель водить не умеет?

– Он еще не пробовал, – ответил Азазель весело. – Хотя кто знает, мальчик способный, учится быстро, прям на лету хватается, как пес мух... Есть подозрение, что в мое отсутствие на моей самой шикарной машине к бабам ездит...

– Смотри в оба, – буркнул бармен.

– За ними разве усмотришь, – ответил Азазель с огорчением. – Когда надо к бабам, мы все такие хитрые, умные, изобретательные...

Михаил смотрел из машины, как бармен положил в открытый бумажный пакет два биг-мака, завернул аккуратно в салфетку пару блинчиков, Азазель расплатился и быстро вернулся к автомобилю.

Судя по запаху, блинчики горячие, исходят сводящим с ума запахом, Азазель сунул в пакет руку, но вытащил не блинчик, а свернутый в трубочку листок в целлофановой обертке.

– Это тебе, – сказал он. – Карта. Изучи, я больше специалист по особенностям блинчиков в сметане и с мясом. Хотя и с творогом тоже понимаю. А вот с капустой не очень...

– Почему? – спросил Михаил. – Козлы все любят капусту.

– А ты откуда знаешь?

Михаил потянул ноздрями вкусные запахи, что вырвались из пакета и начали победно расплзаться по герметично закрытому салону.

– Это нечестно. Ты же только что ел!

– Я в запас, – пояснил Азазель. – А вдруг ночь будет трудная?.. В нашей увлекательной жизни ничего нельзя сказать наперед.

– Потому и жрешь в запас?

– С соблазнами нужно бороться, – напомнил Азазель. – Стойко и непреклонно. Не давая другим поблажки.

– А себе?

– Я что, – сообщил Азазель независимо, – я падший. Мне можно. Я боролся с соблазнами!

Михаил взглянул с подозрением:

– И как?

– Они меня, – сообщил Азазель радостно, – перебороли.

Михаил поморщился:

– Что, в самом деле боролся?

– Почти, – уточнил Азазель. – Намерение такое как-то возникло, но ты же знаешь, я непостоянный, как все артистические натуры. Ну, как Нерон, Сарданапал, Аттила... Целлофан с ними, с ним не едят. В нем, точнее. Хотя ешь, я смотреть на такое люблю.

Михаил попытался снять эту блестящую пленку, но все никак не удавалось зацепить, Азазель сказал с сочувствием:

– К сожалению, помочь не могу даже в таком деле.

– Не умеешь?

– Я все умею, – сообщил гордо Азазель, – кроме двух-трех мелочей, но сейчас у меня руки уже такие жирные, такие жирные, облизывать не успеваю...

Он жрал блинчики с аппетитом и смачно чавкал рядом. Михаил злился, карта не карта, а сложный чертеж с множеством непонятных значков и даже формул. Вникать некогда, да и не по силам, а рядом сопение и чавканье, отвратительный мир диких существ на марше, просто

непонятно, как эти люди, потомки Каина, сумели создать такой сложный и развитый мир, когда еда всегда в изобилии, а колесницам не требуются кони.

– Все понятно? – спросил Азазель с сочувствием. Он облизал пальцы и указал мизинцем на прямые синие линии. – Это сигнализация, а вон там охранные системы... Красным обычно выделяют запертые двери. Надеюсь, здесь те же правила. Вообще-то все запертые, но некоторые запертые все равно что незапертые, а с другими придется задержаться на несколько секунд, а время деньги... хотя что нам, свободным художникам, деньги?.. Да и время в нашем случае то же самое, как ни странно, что и деньги. Все, как у людей, только иначе.

– А это? – спросил Михаил. – И что за фиолетовые линии, что-то при их виде как-то мурашки по коже.

Азазель сказал довольно:

– Даже чувствуешь? Этот мир хорошо на тебя действует, Мишка!

– Что хорошего?

– Он тебя принимает, – пояснил Азазель. – В смысле ты сам вживаешься, а это получается даже у людей не у всех. Синие линии – это сигнализация. Переступить хоть одну, сразу охрана набегит. Фиолетовые – автоматические системы, что не умеют спрашивать: «Хто?» – а сразу изрешетят из пулеметов. Ну тупые у нас пока еще системы, нет демократии, но все-таки роботизация на марше, это обнадеживает, как думаешь?

Сам он хоть и жрал блинчики, но очень внимательно всматривался в чертеж, а взгляд у него, как сразу заметил Михаил, быстрый и цепкий, схватывающий все детали и даже мелкие пометки на полях.

– Сложновато, – определил он. – Люблю хай-тек, но почему-то приходится иногда с ним конфронтировать. Надеюсь, у него начнет вырабатываться ко мне и мне подобным хар-роший иммунитет.

– Так это же тебе плохо? – спросил Михаил.

– А я за человечество радею, – сообщил Азазель. – И за технический прогресс. Чтоб всякое мелкое жулье не вредило.

– А ты?

– Я что, мелкий? – спросил Азазель оскорбленно. – Я настолько крупный, что уже и не жулье, а деятель!.. Крупный деятель. Неважно, общественный или политический, все они с жулья начинали, но с определенного уровня это люди с весом и весьма уважаемые члены общества. А ты думал, как идем к прогрессу и гуманизму?

Он сделал вид, что обиделся, надулся и некоторое время вел автомобиль молча, но по его виду Михаил понял, что просто напряженно обдумывает нечто и не желает, чтобы сбивали с мысли.

Глава 10

Через полчаса езды по залитой все еще непривычно ярким светом фонарей и витрин улице он припарковал автомобиль во дворе квартала с довольно старыми домами, высокими, девять-двенадцать этажей, римские патриции жили бы и радовались, а здесь пускают под снос, чего Михаил понять не мог, жить еще как шикарно можно! То ли с жиру бесятся, то ли такой ритуал языческий, непонятный привыкшим к строгости и аскетизму...

Машину Азазель разместил так, чтобы в щель между домами было видно отдельно стоящее невысокое массивное здание с толстыми стенами и металлическими решетками на окнах. Вокруг небольшой двор, обнесенный непривычно высокой стеной, по верху еще и металлические столбики с туго натянутой колючей проволокой, на крыше здания четыре мощных прожектора, что высвечивают во дворе каждую песчинку, а проволока по верху каменного забора выглядит раскаленной добела.

– Вон там, в левом углу, – сказал Азазель тихо, – да не на палец смотри, а куда указываю!.. камеры особо опасных. Сама по себе тюрьма не для самых-самых, но в каждой есть градации.

Михаил буркнул:

– Я все не верил, что собираешься спасти преступника. Мы же на стороне закона?

– На стороне справедливости, – уточнил Азазель. – А она не всегда совпадает со статьями Уголовного кодекса. Хотя обычно и в целом совпадает.

Михаил спросил с отвращением:

– И что... он не может сбежать? И ты считаешь его сильным?

Азазель посмотрел несколько свысока:

– Еще не уяснил?.. Он в состоянии разнести всю тюрьму. У вас даже хрюкнуть бы не успели, как быстро он все мог бы сделать! Он демон, всплеска не будет. К сожалению, люди увидят, начнут задавать вопросы, а это недопустимо в нашей сложной международной обстановке в текущий непонятный момент.

Михаил пробормотал:

– Ладно-ладно. Хочешь обставить так, будто бежал простой заключенный?

– Сообразил, – сказал Азазель, и непонятно было, похвалил или съязвил в своей привычной манере. – Ладно, жди здесь, вот тебе еще две обоймы... Это на случай погони. Но я вообще-то интеллигент, привык все решать за столом деловых переговоров.

– Видел твои переговоры, – ответил Михаил. – Весь пол в гильзах, а по ступенькам водопады из крови. Может, вместе?

– Ты не сможешь без всплеска, – сказал Азазель. – Переселяйся в тело демона, будут новые возможности. Почти как повышение по службе в ранг топ-менеджеров!

Михаил поморщился:

– Помолчал бы с дурацкими шуточками. Не опасно лезть в особо охраняемую тюрьму?

Азазель посмотрел с высочайшим пренебрежением:

– Как это не опасно?.. Зачем тогда жить?.. Если не опасно, сделаем опасно! Вообще жить нужно опасно, дерзко и романтично. Люблю, когда опасность близка, все вокруг опасничают, а ты сидишь в стороне и лузгаешь попкорн.

Он подмигнул, вылез из автомобиля и скользнул в темноту так, что Михаил, как ни всматривался, узреть не мог, но почти сразу увидел троих, тоже направляющихся в сторону тюремного здания, все в темной одежде, лица замотаны платками, так воюют на фронтах войны солдаты частных армий, а в городах морды прячут только грабители, двое с пистолетами, у одного в руках короткоствольный автомат.

Он сжался, когда все трое ринулись в ту же сторону, что и Азазель. Резко и неприятно хлопнули первые пистолетные выстрелы. В тревоге, вдруг да Азазелю всадят в спину несколько

пуль, он высунул руку через окно, грабители как раз пересекли узкую полосу света от уличного фонаря, и выстрелил дважды в их сторону.

Один из грабителей пошатнулся и оперся плечом о стену, второго с автоматом в руках тряхнуло, однако он успел, падая лицом вниз, выпустить длинную очередь, а затем рухнул на свой же автомат.

Михаил прислушивался, но больше выстрелов нет, зато из темноты вынырнул запыхавшийся Азазель, злой, как кобра, которой наступили на хвост тяжелым грязным сапогом, прошипел зло:

– Зачем поднял стрельбу?.. Я бы их без всякого шума.

– Кто это был?

Он огрызнулся:

– Да какая разница? То ли ларек собрались грабануть, то ли в тюрьму хотели пробраться и сесть по своей воле, чтоб избавить суд от долгих заседаний. Ты вроде бы выдал себя всплеском? Тогда круг замкнут, тебе не уйти. Лучше в самом деле сменить тело! Вон там пуля из автомата того идиота достала случайного парня... Повезло же дураку с ночными покатушками...

Михаил повернул голову, рассматривая распластанное тело молодого спортивного парня в луже крови. Рядом с убитым лежит на боку велосипед, колеса еще вращаются.

Азазель видел на лице Михаила колебание, но вдруг тот вздрогнул, даже вроде бы чуть побледнел, чего с ним вроде бы не случалось раньше:

– А как же... Синильда?

– Что с нею? – спросил быстро Азазель. – Она тут каким боком?

– Она знает меня в этом теле, – ответил Михаил глухим голосом.

– И что? – огрызнулся Азазель. – Михаил, не дури.

– Это не дурь...

Азазель прошипел:

– Таких женщин здесь... не скажу, что на рупь кучка, она в самом деле элитная, но в Москве этих элиток сотни. Давай, прыгай в того велосипедиста, он такой же правильный и спортивный, как и ты. И быстро уходим!

Михаил все еще колебался, наконец обратил печальный взгляд на Азазеля:

– Она знает меня в этом теле. И в другом не примет...

– А ты и не показывайся, – объяснил Азазель, как идиоту. – У тебя важное задание, а ты, как Стенька Разин... Но Стенька Разин опомнился под напором народной демократии, так вот я это народное мнение! Как в тот раз насчет набежавшей волны подсказал, так и сейчас!

Вдали за домами послышались полицейские сирены, Михаил вздохнул, вслед за Азазелем с неохотой подбежал к распростертому в собственной крови велосипедисту. Молодой красивый парень, в ушах блестят пластиковые наушники, от них два провода к плееру на поясе, на руке фитнес-браслет, где все еще сменяются цифры, показывая затухающую жизнь.

– Быстрее, – велел Азазель нервно, – милиция нагрянет, начнутся расспросы!.. В новом теле нужно успеть еще и смыться!

Михаил покачал головой:

– Не могу...

Азазель вскрикнул раздраженно:

– Как это не можешь?

Михаил отступил на шаг:

– Нет, все-таки что скажу Синильде?.. Что? Не могу! Все, Азазель, уходим.

Вдали из-за домов вынырнул полицейский автомобиль с мигалкой и воющей сиреной. Михаил отступил в тень, все еще странно заторможенный, Азазель с силой потащил его дальше в сторону их припаркованной машины.

– Если уходим, то быстрее!.. Сейчас здесь все оцепят!

Он втолкнул его в автомобиль, подал задом, въезжая по узкой дорожке между домами во двор, там пустил в объезд детской площадки, а когда выметнулись на параллельную улицу, Михаил спросил виновато:

– Все рухнуло?

Азазель процедил сквозь стиснутые челюсти:

– Рухнуло, да еще с таким треском... но не все. Я уже привык в этой сумасшедшей жизни ко всяким неожиданностям. И к сумасшедшим тоже. Даже в какой-то мере как бы готов, хотя к этому никто на самом деле не готов. Сейчас все, кто засек всплеск, ринутся в погоню.

– Будем отбиваться?

Азазель покачал головой:

– Тогда нас вообще закольцуют и затопчут. Там дальше есть запутанные дворы, я знаю, как протиснуться между сараями и «ракушками» на другую улицу, а по ней вернемся к тюрьме.

– Ого, – сказал Михаил, – ты обнаглел не слишком?.. А чего ты решил, что я допустил всплеск? Я действовал как обычный человек этого малопонятного мира.

– Обычные не кладут все пули в голову, – бросил Азазель, – да еще на такой дистанции. Или в самом деле такой меткий? Ладно, к счастью, сейчас все сосредоточены на погоне. А когда поймут, что впереди никого, мы за это время освободим нашего доблестного солдата.

Михаил спросил с тревогой:

– Получится?.. Не любишь отступать, да?

– У меня всегда все получалось, – заверил Азазель, – кроме тех случаев, когда не получалось, но кто из успешных такое считает и помнит? В этом мире нужно жить радостно, так велел Гедоний.

Михаил молча уперся ногами, видя, как Азазель резко крутит руль то влево, то вправо. Автомобиль мотает из стороны в сторону, затем повернул так резко, что его занесло, однако ухитрился вписаться в щель между строениями, проскочил, распугивая народ, вслед неслись озлобленные крики, но в конце концов выскочили на тихую улицу, где Азазель круто развернулся и погнал автомобиль в обратную сторону.

– Все-таки хочешь в одиночку? – спросил Михаил. – Азазель, не хами. Там без меня не обойтись. Тюрьма не санаторий...

– Да ну? – сказал Азазель саркастически. – А как ты предлагаешь действовать?

– Не знаю, – признался Михаил, – но разве бой не покажет?

– Какой бой, – прошипел Азазель зло, – если это тайная операция? Я там все улики оставляю, что заключенный сбежал, обманув охрану и сигнализацию!.. А ты предлагаешь устроить бойню?

– Но разве вдвоем не сумеем?

– Без всплеска?

– Ну да, – ответил Михаил без уверенности. – У нас недоступная людям скорость, точность в стрельбе... Что еще?

Азазель сказал с сердцем:

– Здесь и живые охранники сперва выстрелят, а потом спросят, кто такой. Местная автоматика и это даже спрашивать не будет. Жди в машине, но будь наготове. Возможно, придется нас прикрывать, бывает всякое.

– Хорошо, – ответил Михаил, – буду настороже. И прикрою.

Азазель подогнал автомобиль максимально близко к забору, там вымахали картинно красивые деревья с роскошными кронами, нетрудно догадаться, что Азазель как-то придумал использовать их для ложных следов.

Михаил приготовил оба пистолета, Азазель кивнул ободряюще и беззвучно выскользнул наружу.

Ждать пришлось долго. Михаил прислушивался так, что стрекот ночных кузнечиков уже различал чуть ли не на другом конце города, но везде привычная ночная жизнь, когда хотя бы часть горожан не спит, а при такой скученности народа кажется, что весь город стоит на ушах, веселится, ходит по ресторанам и ночным клубам, разгуливает по паркам, орет песни и цепляется к провокационно проходящим мимо очень раскованным женщинам.

Наконец, когда уже начал подозревать, что Азазеля схватили, несмотря на его хвастовство, и упрятали там же в тюрьму, вдоль ярко освещенной стены уже по эту сторону заметил неспешно идущих в его сторону двух мужчин.

Рядом с Азазелем движется таким же неслышным шагом крупный человек в одежде охранника, настолько обычного сложения, что Михаил ни за что не заподозрил в нем демона, во всяком случае вот так издали.

Возле автомобиля он остановился, на Михаила взглянул настороженно и пытливо.

Азазель сказал быстро:

– В машину, быстро!.. Сейчас здесь будет ад. Мишка, прикрой дверцу, как и обещал.

Спасенный из тюрьмы быстро открыл заднюю дверь и сел в салон, а Михаил торопливо вставил язычок ремня в замок. Азазель крутнул баранку, стараясь поскорее покинуть опасное место.

Автомобиль прыгнул с места со скоростью камня из пращи. Михаил некоторое время с придиричивым интересом рассматривал в зеркало этого спасенного из тюрьмы. Простецкое типичное лицо ассирийского, а то и римского солдата, скуластое, с тяжелой нижней челюстью, запавшими глазами и суровым взглядом человека, немало повидавшего в жизни. И хотя он не человек, но, похоже, повидал в самом деле немало.

Азазель сказал хвастливо:

– Как видишь, комар носа не подточил!..

– Какой комар? – спросил Михаил в непонимании.

– Не знаю, – ответил Азазель. – Наверное, малярийный. Или эболист, есть такие... Там до утра не заметят.

– Он был в одиночной камере?

– В карцере, – сообщил Азазель. – Я передал заранее, чтобы он попал туда за какой-нить пустячок. Теперь будут знать, как в карцеры сажать, га-га-га!.. Самодуры, несправедливцы!

Глава 11

Михаил скосил глаза на заключенного, тот сидит молча, ничуть не радуясь, не ликуя, настоящий солдат, свято чтящий устав и выполняющий приказы командира, а уже тот обязан в ответ заботиться о нем и оказывать защиту.

Так проехали, нигде особо не нарушая правила дорожного движения, почти до центра города. Вызволненный из тюрьмы за все время не проронил ни слова, наконец Азазель подал автомобиль к бордюру и сказал негромко:

– А дальше, как договорились. Действуй, Бианакит.

– Слушаюсь, – ответил тот.

Михаил молча смотрел, как он выскользнул из автомобиля с грацией и легкостью танцующей девочки, хотя в таком теле не меньше ста килограммов одних костей и тугих мышц, согнулся и, наклонив голову, пошел вдоль домов.

– Все, – сказал Азазель, – первая фаза прошла успешно.

Автомобиль тут же, будто сам в испуге спасается от погони, поспешно выбрался на левую сторону дороги и помчался, быстро набирая скорость.

Михаил время от времени оглядывался, вдруг не все прошло так гладко, как уверяет хвастливый Азазель, тот тоже выглядит вздрюченным, даже голову иногда втягивал в плечи, но наконец после спокойной езды без погонь и перестрелок выпрямился и сказал с огромным облегчением:

– Понимаю, ты всем сердцем жалеешь, что не удалось перебить массу двуногих?

– Ты груб, – упрекнул Михаил. – Так отзываться о созданиях Господа нехорошо. Недостойно!

– Согласен, – ответил Азазель чуть подобревшим голосом. – Создание создалось весьма как бы... Недаром Господь творил Адама целый день, заметил? Почти столько же, сколько и весь мир!.. Вас он за одно мгновение, не глядя, одним небрежным взмахом мысли... Все сто тысяч или сто миллиардов! Вы же сами все еще друг друга не пересчитали.

Михаил перебил:

– И что с этим заключенным? Бианакит его зовут? Что за тайна? Почему он в тюрьме?

– Его группа здесь была истреблена, – сообщил Азазель, – он один уцелел. О нем то ли забыли, то ли решили не вспоминать. Возможно, кто-то из старших демонов пытался проверить какую-то операцию на свой страх и риск.

– И заявил бы о ней гордо, – сказал Михаил, – если бы увенчалось успехом?

Азазель, играя в шашечки, круто обогнал ползущие впереди автомобили, сказал с одобрением:

– Понимаешь!.. А с виду такой интеллект, хоть забор подпирай.

Михаил взглянул на него искоса:

– А кто уничтожил его группу?

Ему показалось, Азазель то ли чуть смутился, то ли запнулся с ответом, а может, просто отвлекла ситуация на дороге, где то и дело проносятся лихачи, да и ответил как-то с непривычной для него неуверенностью:

– Да есть такой надзорный орган...

– Что-что?

Азазель, неотрывно глядя поверх руля на дорогу, буркнул нехотя:

– Еще в старое доброе время первые проникшие из ада попробовали вести себя... в общем, по своим законам. А те, кто жил среди людей изначально... ты же понял, о ком я?.. договорились о правилах, кого из новых оставить, кому сшибать рога... Вместе с головами.

– А этот... Бианакит?

– Он из той группы единственный, – пояснил Азазель, – кто подчинялся дисциплине. Потому его просто арестовали. Думаю, полгода заключения хватит для проверки его стойкости... Ух ты, на какой скорости этот гад пронёсся? У него что, реактивный двигатель?

– Полгода в тюрьме? – переспросил Михаил. – Как человек? И ни разу не проявил натуру демона?.. Тогда да, такому можно...

– Вот и хорошо, – ответил Азазель, не поворачивая головы. – Уверен, сработаетесь.

Михаил от неожиданности подпрыгнул так, что ремень с треском врезался в грудь.

– Что-что?

– Пойдет с нами, – напомнил Азазель. – Или ты решил, что общаться с ним буду только я? Я что, похож на альтруиста?

– Нет, – отрезал Михаил с сердцем, – ты давно не ангел!

– Слава богу, – ответил Азазель с облегчением. – Спасибо, Михаил. Приятно, когда хвалят с такой искренностью.

Михаил стиснул челюсти, Азазеля понять трудно, сказал с сердцем:

– Свинья ты! Нет, еще хуже – козел хермонский!.. Недельку мы общались, ты за все время ни разу не сказал мне правды! Говори сейчас, где еще обманывал?

– Да ты чё?

Михаил покачал головой:

– Азазель... я же чувствую, что ты рассказал не все?

Азазель вздохнул, не отрывая взгляда от бегущей под колеса дороги.

– Ну ладно, если так уж хочешь, хотя не знаю, зачем это тебе. В общем, с младшей сестренкой Синильды тоже было подстроено.

Михаил охнул:

– Даже с нею?

– Для твоей же пользы, – заверил Азазель. – Понимаешь, надо было проверить уровень твоей человечности. Насколько, как говорится, ты внял той искре, что вдунул Творец. Мог бы и вовсе не внять, у людей это часто. А ты как бы очень даже весьма ригористичен и надменен. С виду. Но внял. Видимо, благодаря гормонам этого тела, о тебе я такого не подумал бы.

Михаил скрипнул зубами:

– Сволочь!

– Я просчитал твою адаптивность, – пояснил Азазель торопливо, – и твою быструю обучаемость. При всей своей ригидности ты не мог не усвоить все, чем располагает тело человека, в котором так хорошо освоился. В том числе и всякую хрень вроде милосердия, сострадания и прочего, о чем люди много говорят, но делают мало.

– Но меня могли подвергнуть выдирке!

Азазель вздохнул:

– Такая возможность, признаю, все же была. Но я сделал ставку на то, что Всевышний вложил в человека то, что хотел вложить... и потому не станет наказывать, если кто-то поступит согласно Его Великим Законам и нарушит какие-то мелкие, чисто человеческие... И, как всякий гений, я оказался прав в своей блистательной догадке. Так что я горжусь собой вполне заслуженно, хотя никто моего величия и не замечает, кроме меня.

– Сволочь, я тебя сожгу...

Азазель сказал мирно:

– Ты не понял?.. Я раскрыл для тебя больше возможностей!.. Ты и дальше можешь где-то нарушать по мелочи. По-местному это называется читерить, но когда читеров немного, эти говнюки не нарушают общего баланса такой массивной игры вселенского масштаба.

Михаил спросил озадаченно:

– А как отличу, где нарушение мелкое, а где крупное?

Азазель нахально улыбнулся:

– А я на что?

– Да чтоб я еще когда-то позволил за мной таскаться?

Азазель сказал вдруг серьезным голосом:

– Вообще-то, Мишка, есть еще один ориентир... Совесть, так это называется у людей. У большинства молчит или едва попискивает, а ты свою слышишь отчетливо, как ржание боевого коня. У тебя конь был?.. Нет?.. Да, знатность есть, но и благородная бедность тоже... Конечно, ее можно не слушать, одни неприятности... но если играть по-крупному, она весьма по делу.

Михаил вдруг похолодел, спросил чужим голосом:

– А Синильда... знала?

Азазель сделал большие глаза:

– О чем?.. Все было по-настоящему, девочка умирала в самом деле... Я только поставился, чтобы ты услышал о горе Синильды. А дальше все просчитывалось. Я не рисковал тобой, Мишка!.. Я был уверен... ну, почти уверен, что твое самопожертвование будет принято там наверху. Ведь оно шло не от ума, а от сердца, а Господь сказал, что всем дуракам, нищим и юродивым уготовано место в раю, а умникам гореть в аду!.. А ты сделал такую глупость, что за нее с тебя снимут грехи на полгода, а то и на год вперед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.